

ЗЕМЛЯКИ

МАЛИК ДУРСУНОВ ТРИЖДЫ СУДИМЫЙ

Повесть

Сегодня в Зогаллы многие склонны считать, что именно побег жены из дома с другим мужчиной (к другому мужчине, как любят говорить зогаллинцы) стал тем самым толчком, после которого жизнь Рафика окончательно превратилась в сплошное приключение.

– Маму я имел всех, кто считает мою жизнь приключением, – как-то злился Рафик, услышав подобное о своей жизни. – Сплошное мучение, а не приключение, – ругал он своих земляков.

Зогаллинцев хоть с шести утра до одиннадцати вечера ругай, они своего мнения не поменяют: однажды вслух высказанное предположение о ком-то навсегда будет преследовать этого бедолагу. С другой стороны, сам Рафик как-то в разговоре со мной признавался, что о его жизненных приключениях при желании можно написать целую книгу. Правда, тут же оговорился, что сам такую книгу никогда не напишет, и не потому, что у него не хватает на это способностей, а потому, что он очень не хочет, чтобы зогаллинская молодежь брала с него пример. Рафик, хотя и считал, что в его жизни произошло много событий, поучительных для других, но выставлять её напоказ не видел надобности.

– Вам бы я доверил, муаллим, написать такую книгу. Говорят, вы пишете о Зогаллы и о своем Кара-дайы, обо мне тоже написали бы, – как-то в очередной раз он разоткровенничался со мной, уважительно называя меня «муаллимом». – Тем более, вам ничего рассказывать и не надо, вы всё обо мне знаете. Но то, что вы пишете о Кара-дайы, по мне как, это очень мелко.

Это было за год до его смерти, в его грустных глазах читалась такая просьба. Чтобы не обидеть Рафика, я дал согласие, что обязательно возьмусь за рассказ о нем и это будет очень масштабно – не то что о Кара-дайы, вдобавок пошутил я. Но только не сейчас, а когда он будет в возрасте Кара-дайы, к тому же, если к этому времени я сам останусь в живых, пошутил снова.

Рафик был намного старше меня, но подобное уважительное обращение ко мне – «муаллим» – с его стороны не было проявлением хитростного подхода, тут явно ощущалась его искренность.

«Муаллим» дословно в переводе с азербайджанского языка означает «учитель», но в зогаллинском разговорном языке такое обращение к собеседнику необязательно подчеркивает его профессию: оно, как правило, является лишним доказательством уважения к нему в силу его образованности. В первый раз подобное обращение Рафика ко мне у нас в доме после его ухода мы списали на воздействие спиртного.

Началом особо теплого и доверительного отношения Рафика ко мне послужило мое удачное поступление в институт. Узнав об этом, он в тот же день пришел к нам поздравлять моих родителей и меня с этим «невиданным событием», как он позже выразился.

Был январь месяц, в Зогаллы стояли крепкие морозы, я приехал домой на свои первые зимние каникулы. В те годы Рафик работал на строительстве БАМа, и надо же было такому случиться, что именно в эти дни он отгуливал свой очередной отпуск.

Мы всей большой семьей сидели дома, готовились обедать. Сухие дрова чиркали в печи и отдавали приятное тепло. Увидев через окно заходящего к нам во двор гостя, мама недовольно проговорила:

– Готовьтесь, идет алкоголик!

Отец резко перебил ее:

– Не твое дело! Лучше иди встречай, – сказал он младшему брату: тот неохотно оделся и вышел во двор встречать гостя.

Я выглянул в окно и не узнал бородатого мужчину, повернулся к отцу, чтобы спросить, кто идет.

– Хоть бы больную мать пожалел. Как приехал – каждый день пьяный. Жена через год после свадьбы сбежала, а ему хоть бы что, – продолжала говорить мама, и только тогда я догадался, что это Рафик.

Через несколько минут младший брат открыл дверь комнаты и пропустил Рафика в дом.

– Проходи, проходи, не стесняйся, – пошутил брат, потому как двери в Зогаллы всегда открыты для соседей.

Зогаллинец, идя в гости к соседу, даже не думает, что своим приходом он может как-то стеснять хозяина, независимо от времени суток – будь то раннее утро или поздний вечер. Зогаллинцу, чтобы зайти в гости к соседу, особых приглашений не нужно. Гостеприимный зогаллинец всегда рад приходу гостей, тем более, если этот гость сам приехал в родную деревню погостить. К тому же у хозяина появляется лишний повод спуститься в подвал за спиртным и в короткий холодный зимний день поговорить с гостем по душам. Высказывание моей мамы в тот день не вполне вписывалось в принципы зогаллинского гостеприимства, но старшим в доме был отец.

– Сейчас сниму сапоги и пройду! Я никого не стесняюсь, – ответил Рафик деловито. – Кого стесняться, вас что ли? Да вы все выросли у меня на глазах. Вот такими детьми бегали ко мне мою собаку смотреть, – правой рукой на уровне своих колен он указал наш тогдашний рост. – А сейчас, машаллах, вот какими большими стали, – на этот раз поднятой рукой выше собственной головы он обозначил наш сегодняшней рост.

Рафик говорил правду: детьми мы часто забегали к нему смотреть на его необычную собаку по имени Волга и с его разрешения по очереди гладили ее.

Мы с папой поднялись и поздоровались с ним. Он крепко обнял меня.

– Мужик! – на русском языке сказал он и похлопал меня по плечу.

Он первым делом поздравил моих родителей, поинтересовался моей учебой, при этом и себя не забыл пожурить.

– В свое время я покойного отца не послушал, а ведь тоже мог поступить в институт, – признался он. – Сейчас работал бы где-нибудь на руководящей работе, а не лес валил бы в Сибири.

– Хорошо хоть сейчас понимаешь, – сказал ему мой отец.

– Сейчас я всё понимаю, но поздно уже, – твердо заключил Рафик, – из-за одной собачки-проститутки я на экзамен не пошел. Скучал я по своей Волге. А в школе, между прочим, я учился хорошо. Говорят, учителя и сейчас меня в пример ставят.

Тут он был прав только отчасти: в школе учителя вспоминали его лишь тогда, когда на уроках географии речь заходила о строительстве БАМа или же на занятиях биологии изучали породы собак. О его успехах в учебе учителя в наши дни почему-то упорно не хотели вспоминать, что, видимо, говорило об отсутствии таковых в свое время.

– Бедный Алескер, – посочувствовала уже мама, – чего он только не видел.

Наступила тишина, которая как бы означала согласие всех присутствующих с утверждением мамы о том, что Алескер прожил не очень радостную жизнь, и винов-

ником всего этого был именно Рафик.

Позже на стол подали еду.

Рафик опьянел быстро, забыл о своей виновности, стал говорить много, при этом жаловался на всех.

– Нельзя в этом мире никому доверять! – заключил в итоге он и тупо смотрел на моего отца. Выражение лица у Рафика было такое, будто он готовился спорить с отцом, вызывая его на дебаты, призывая его доказать обратное.

– И что ты хочешь этим сказать? – спокойно спросил отец, решив не ввязываться в дискуссию.

– То, что слышали. Больше ничего. Никому нельзя доверять! Сейчас я вам объясню: уезжая, попросил я ее на человеческом языке: «Потерпи год-два, заработаю хорошие деньги, и заживем», – стало ясно, что Рафик начал жаловаться на бывшую жену, которая не стала ждать его с БАМа и сбежала с мужчиной, на десять лет старше себя, в Баку. – Она кивала: «Хорошо, хорошо!» Чего тебе не хватало, спрашивается? Я же не гулять поехал, а работать! Деньги зарабатывать! Кто мог подумать? Тем более, родственницей была. Как после этого верить людям? А вы говорите...

– Ничего не говорим, – перебила его моя мама. – Не надо было дома ее одну оставлять. Молодую и красивую. Без мужа женщина, что лошадь без узды. Вот и сбежала. Надо было брать с собой, раз уж ехал.

– Куда? В Сибирь ее брать? Да там негде жить, в палатках живем. А морозы какие? О чем вы говорите? Вот, космонавты сейчас по году торчат в космосе, что им жен тоже с собой прихватить в космос, чтобы не разбежались до их приземления? Сказки всё это.

Мы все рассмеялись, в принципе соглашаясь с логикой Рафика.

– Что сейчас говорить. Сейчас уже поздно говорить. Вернись домой, сам выбирай себе новую жену и живи! И никуда от себя больше не отпускай! Пожалей бедную мать, еле ходит.

– Ерунда всё это, – Рафик был на своей волне, – собаку выбирал я сам! Ну и что? То же самое. Помните, наверно, Волгу мою. Кормил от руки, кормил тем, что сам ел. Спали вместе в одной, можно сказать, постели. Перед уходом в армию сказал ей: «Волга, потерпи два года, вернусь и найду тебе жениха, не связывайся с соседскими кобелями» И что в итоге? То же самое. За два года только самый ленивый кобель в деревне не накрыл ее.

Мы продолжали смеяться, отец, чтобы не обидеть Рафика, решил поддержать его:

– Тут ты прав, Рафик! Волга у тебя какая-то со скользящей ногой была.

– С кем ни связываюсь, у всех ноги скользящие, – подытожил Рафик.

– Как на БАМе работается? – спросил я у него после небольшой паузы. – Газеты много интересного пишут.

Рафик задумался, движением губ демонстрируя, что вопрос не такой-то уж простой, как он выглядит на самом деле, потом медленно повернулся в мою сторону.

– Тебе правду сказать или рассказать так, как пишут газеты? – спросил он у меня, давая понять, что информации на эту тему у него достаточно и при желании он может выложить такое, что об этом никогда и нигде не напишут.

– Газеты я сам читаю, – посмеялся я. – Конечно, правду!

– Правда не такая интересная будет, как пишут газеты. Но раз ты настаиваешь, я тебе расскажу, – сказал Рафик, залпом выпил очередную стопку крепкой домашней водки, поморщился и закусил соленым огурцом. – Но только этот разговор останется вот тут! Я тебе рассказал, и мы тут же с тобой забыли! Договорились?

– Военная тайна, что ли? – посмеялся отец.

– А вы как думали? Болтунов на строительство БАМа не берут. Вы знаете, сколько желающих работать там?

Он был прав, не каждый желающий в те годы мог попасть на строительство БАМа, оно считалось престижным и высокооплачиваемым.

– Договорились, – я дал ему слово и успокоил его.

В поисках философского начала беседы, присущих пьяным людям, он в очередной раз задумался.

– Правда, она всегда горькая, как эта водка. Понятно? Правда не может быть сладкой, запомни! – облегченно выронил он, найдя подходящее, как ему казалось, предложение.

– Запомню, – ответил я.

– Муаллим, – именно тогда впервые он обратился ко мне так, с того дня вплоть до самой смерти он меня больше по имени не называл, обращался исключительно «муаллим», – там нет жизни! На БАМе жизни нет!

– Как нет жизни, если вы там как-то живете и работаете? – посмеялась мама, стоя слушая его.

– Жизни на БАМе нет, – повторил Рафик, будто не слышал реплику мамы. – Когда просыпаешься, наступившее утро тебе, кроме мороза и немножко солнца, ничего не приносит. Это зимой, которая длится девять месяцев. А летом еще и комары, как черный туман, налетают и накрывают тебя. Но лето короткое, поэтому в основном запоминаются морозы. Просыпаешься, выходишь из вагона, а перед глазами лес! Тайгой называется, ты должен знать по географии! Нескончаемый лес. И ты начинаешь рубить лес. Рубишь лес и рубишь, рубишь и рубишь! С утра валишь до обеда, валишь после обеда, валишь и валишь, а он не кончается! Лес не кончается! Люди! – громко прокричал Рафик, осмотрел нас поодиночке, не испугались ли мы от его крика. Убедившись, что мы еще держимся, он вполголоса продолжил: – Люди, лес не кончается! Бесконечность! А бесконечность – это угнетение человеческого терпения. Нормальный человек этого не выносит. Многие спиваются. Вот почему я тоже начал пить. От бесконечности, от угнетения моего терпения. А вы думаете, от хорошей жизни я начал пить? Ага, как бы не так. Вот сейчас после отпуска опять поеду в этот лес. И начну рубить его. С утра до вечера, с утра до вечера... Я с ума сойду.

– Не езди, кто тебя заставляет, – сказала мама.

– Надо, надо ехать, – горько произнес Рафик, – надо завершить начатое дело, – серьезно добавил он.

Мама опять не удержалась:

– Ой, ой! Завершить начатое. То ты говоришь, что там бесконечность, сколько ни руби, нет конца лесу. То ты хочешь что-то завершить. Не поймешь тебя, Рафик. Знаешь, что я тебе скажу, – езжай, собирай вещи и вернись домой. А то вообще не езжай, оставайся дома, помогай матери.

– Может, вы и правы, тетя. Наверно, так и сделаю, поеду, заберу трудовую книжку и вернусь. Пусть русские сами валят свой лес, а, дядя Осман? – он обратился к моему отцу. – Наливайте.

– Началось, – сказала мама и вышла из комнаты.

Рафик был поздним и единственным ребенком в семье, что в то время являлось большой редкостью в Зогаллы, где каждая семья была чуть ли не многодетной. С маленького возраста он отличался от зогаллинских детей, выделялся среди сверстников. Это был, с одной стороны, умный и смывленный, но капризный, с другой стороны, ребенок.

Отец Рафика, дядя Алескер, был рослым плечистым мужчиной, всю жизнь он работал скотником на ферме, души не чаял в сыне и выполнял любую его просьбу. В деревне дядю Алескера боялись все, считался он самым сильным и злым мужчиной Зогаллы. К тому же дядя Алескер был штатным забойщиком скота в деревне, многие

его так и называли, Гассаб (Забойщик животных) Алескер. На все зогаллинские свадьбы, чтобы резать телят и бычков, как правило, приглашали именно его. Забойщиком он был грубым и безжалостным. Резать бычков он приходил со своим ножом и всегда точил его перед глазами привязанного животного. Однажды мой отец пригласил его резать нашего, откормленного на зиму, бычка. В мою детскую память врезались кадры того дня, когда он перед глазами привязанного животного начал точить свой нож. Глаза бычка, как глаза распятого праведника, тогда полезли на лоб, и из них потекли слезы. Мы с братьями начали плакать вместе с бычком. Вместо того, чтобы успокоить, дядя Алескер прикрикнул на нас и прогнал оттуда.

В Зогаллы у всех на памяти случай, когда он изрядно напугал директора школы Шариф-муаллима. В шестилетнем возрасте Рафик выучил азбуку и научился считать до ста, что в зогаллинских условиях считалось невиданным успехом, признаком особой одаренности ребенка. Соседи тогда посоветовали дяде Алескеру отвести сына в школу, договориться с директором Шариф-муаллимом, чтобы Рафика на год раньше приняли в первый класс. На радостях дядя Алескер взял маленького сына за руку и повел в школу. При всех учителях Рафик продемонстрировал свои знания, назвал все буквы, читал по слогам, посчитал до ста. Но Шариф-муаллим почему-то не захотел взять его в первый класс, посоветовал подождать сверстников. Раздосадованный дядя Алескер с сыном вернулся домой, всю дорогу проклиная Шариф-муаллима.

– Попадешься ты мне на глаза на какой-нибудь свадьбе, вместо бычка тебя зарежу! – уходя, якобы он даже пригрозил Шариф-муаллиму.

Всерьез напуганный Шариф-муаллим, как сегодня рассказывают зогаллинцы, целый год тогда не ходил на деревенские свадьбы, отправляя вместо себя старшего сына.

Шариф-муаллим так боялся дядю Алескера после памятного предупреждения, что, говорят, якобы каждый год, пока Рафик учился в школе, давал указание учительницам по пустякам не вызывать Рафика к доске и лишний раз у него ничего не спрашивать. Однажды Рафик сам поинтересовался у учительницы химии, почему она никогда его к доске не вызывает. На что учительница ответила ему:

– По глазам вижу, что ты готов к уроку, поэтому тебя и не вызываю.

На радостях после занятий Рафик рассказал эту историю отцу, а он уже вечером возле правления колхоза развил эту тему.

– Знающего человека нельзя трогать по пустякам! Тем более, упаси Аллах, подсказывать! – рассказывал дядя Алескер любопытным землякам, которым ничего не оставалось, как внимательно слушать его. – Я, например, ужасно не люблю, когда мне подсказывают, как резать, например, теленка! Бывает, завалишь животное, откинешь его голову и только возьмешься за нож, так кто-нибудь обязательно со стороны начинает умничать: «Алескер, сильнее дави голову, чтобы бычок не выскочил». Однажды, не помню, на чьей свадьбе было, после такой подсказки я пришел в ярость. Выбросил нож, взял за шею умника, привел к животному и сказал: «Режь сам, если такой умный!» А он: «Извини, Алескер, больше не буду! Говно я скушал, что тебе подсказал. Извини» И сейчас, каждый раз, когда увидит меня, извиняется. А как еще? Думаете, легко быка резать? Так же в школе. Учителя все знают, что Рафик всегда готов к занятиям, поэтому лишний раз его к доске не вызывают. И правильно ведь делают, тут, конечно, Шариф-муаллим хорошо поставил работу, зачем ребенка вызывать к доске и требовать написать то, что он знает и всё это ему не интересно!

И приносил домой Рафик из школы на радость отцу четверки и пятёрки в дневнике: в заслуженности этих оценок и тогда в деревне многие сомневались, и сегодня в Зогаллы никто не ручается.

Летом, после девятого класса, дядя Алескер купил ему в Грузии красивую коричневую собаку, которая на ближайшие годы перевернула не только жизнь Рафика, но и веками сложившееся консервативное отношение среднего зогаллинца к домаш-

нему животному. Собаке Рафик дал не традиционную для Зогаллы кличку – он назвал ее Волгой. Давая имена своим собакам зогаллинцы, как правило, в те годы указывали на их внешность или на рабочие качества, а также на свое отношение к любимым животным. На что тогда указывал Рафик, называя свою маленькую собачку именем великой русской реки, никто не знал.

К собаке он привязался и очень любил, она ответила ему взаимностью. Повсюду после занятий в школе он ходил с ней, кормил ее тем, чем сам питался. Даже ночью собака спала в его комнате рядом с ним, что в зогаллинской среде считалось невиданным баловством для домашнего животного. Зогаллинцы привыкли видеть собаку днем на цепи, а ночью бегающей и охраняющей двор.

Через год Волга вымахала ростом и стала веселой и игривой собакой. Она была коричневой и гладкошерстной, по сравнению с нашими деревенскими собаками смотрелась ухоженной красавицей. Тем временем соседские собаки, в большинстве своем кобели, начали искать встречи с Волгой, по словам того же Рафика, сохли по ней. Особо усердствовал Топуш, мощный кобель соседа Шукура. Каждый раз Рафик решительно уводил Волгу от случайных знакомств с местными женихами и тщательно оберегал ее.

По утрам они вместе бегали вокруг сельского стадиона, после чего Рафик мылся холодной артезианской водой. Таким образом он готовил себя к армии. Дядя Алескер слышать не хотел об этом, просил Рафика не думать об армии.

– У тебя такая светлая голова, – восхищался он сыном, – ты обязательно поступишь в институт, – твердил он ему. – Если понадобятся деньги, продам всё, но тебя в институт обязательно устрою!

Но не суждено было Рафику сразу после школы поступить в институт. Он был увлечен Волгой. Дяде Алескеру, матери и небольшой родне с трудом удалось уговорить Рафика поехать в Баку для сдачи вступительных экзаменов.

Рафик уехал недовольный, через пятнадцать дней вернулся и тихим голосом заявил отцу:

– Срезался на втором экзамене.

Мать Рафика и дядя Алескер были буквально убиты. По Зогаллы поползли слухи, что Рафик даже на экзамены не ходил, скучал по Волге, поэтому так быстро вернулся домой.

Вернувшись из Баку, Рафик замкнулся в себе и общался только с собакой, большую часть времени проводя с ней.

– Отслужу армию, потом обязательно поступлю, – обещал он отцу и успокоил родителей.

В разговорах с односельчанами дядя Алескер часто повторял обещание, данное ему сыном, и от себя добавлял:

– Может, это даже к лучшему. Отслужит армию, возмужает! А институт куда не денется, вернется и поступит.

– Не курит, не пьет, занимается физкультурой, книги читает. Что еще нужно? – говорила мама соседям, которые упрекали ее в том, что Рафик по дому ничем не занимается, не помогает отцу по хозяйству, только и делает, что гуляет со своей импортной собакой. – Пусть отдохнет. Успеет еще поработать.

Проводы Рафика в армию превратились в настоящую драму. Закрыв глаза, он под усмешками провожающих целый час сидел в обнимку с Волгой, что-то шептал ей. Собака тоже чувствовала предстоящую разлуку, поэтому недовольно скулила. Закончив обряд прощания с любимой собакой, он начал прощаться с провожающими. И неожиданно для всех, попросил отца беречь Волгу от приставаний со стороны соседских кобелей.

– Чтобы она всегда была перед вашими глазами. Вернусь, найду ей достойного жениха из ее породы.

О дружбе Волги с сельскими бродягами, как Рафик называл местных кобелей, он даже слышать не хотел. Перед тем, как сесть в машину, Рафик погладил собаку по голове и поднялся. Когда отъехала машина, провожающие стали ждать, что Волга сорвется и побежит за машиной, как показывают в кинофильмах. Но Волга продолжала сидеть там, куда ее посадил Рафик.

– Как приказал, так и сидит, – дошло до провожающих, – не зря, оказывается, он с ней так долго возился.

– Наши собаки побежали бы, – сказал кто-то из числа провожающих.

– Если бы за нашими собаками так ухаживали, они вместо хозяина и армию отслужили бы, – пошутил еще кто-то.

А когда машина исчезла за поворотом, Волга ушла в фундуковый сад и только после обеда вернулась домой.

Волга тем временем не стала долго тосковать по Рафику. Тоска по ушедшему в армию хозяину уступила биологической потребности животного, и, по меткому наблюдению дяди Алескера, ровно через месяц после ухода Рафика в армию Волгу накрыл соседский Топуш. Ближе к концу сентября Волга родила трех щенят: Топуш старался на славу. Щенки были красивыми и здоровыми. Позже всех щенков раздали соседям, одного из них дядя Алескер подарил мне.

От игривой и симпатичной Волги через год и следа не осталось. Со временем к ней, кроме Топуша, стали заглядывать и другие соседские шустрики.

За несколько месяцев до возвращения Рафика из армии заболел дядя Алескер. Он заболел зимой и как-то неожиданно для всех. Куда только ни везли тогда дядю Алескера к врачам. И в Баку возили, и в Тбилиси. Месяц лежал он в районной больнице в Гахе. Улучшений не было. Худел он на глазах, хотя продолжал ходить по двору и даже на улицу выходил. По деревне поползли слухи, что у дяди Алескера обнаружен рак. Близкая родня посовещалась и решила: по возвращении из армии срочно надо женить Рафика, чтобы дядя Алескер мог увидеть свадьбу единственного сына. Невесту тоже выбрали из среды родственниц.

Рафик вернулся в начале июня возмужавшим и физически окрепшим парнем. Он выглядел совершенно другим человеком, приученным к дисциплине и порядку. С первого дня взялся за хозяйственные работы по двору. К удивлению и радости родителей, Рафик не устроил истерики по поводу случившегося с Волгой. Встреча у них была короткой – Рафик подошел к будке, присел и погладил голову залегшей перед ним Волге. Волга узнала его, стала активно вилять хвостом. Ей хотелось отвечать взаимностью, но вдруг Рафик тихо спросил:

– Как же ты так могла?

Собаке, видимо, стало так стыдно за совершенные в отсутствие Рафика поступки, она встала, огорченная и обескураженная вошла в будку, забилась в угол и больше в тот день оттуда не вышла. Больше и Рафик к ней не подходил.

Дядя Алескер умер через три недели после свадьбы сына, еще через месяц все в Зогаллы только и судачили о том, что Рафик уезжает в Сибирь на строительство БАМа. Уговоры многочисленной родни, соседей, знакомых, аксакалов не возымели действия на Рафика.

– У тебя старая мать, молодая жена, ты единственный мужчина в этом доме, на кого оставляешь их? – спрашивали они Рафика.

Тот слушал всех, соглашался с их доводами, но стоял на своем.

– Надо ехать, – отвечал он, – я ненадолго. Заработаю денег и вернусь, – успокаивал он их.

Позже в Зогаллы рассказывали, якобы Рафик вернулся из армии с комсомольской путевкой на БАМ, собирался побыть дома две-три недели и отправиться на стройку. Ввиду непредвиденных обстоятельств ему пришлось задержаться дома, но от желания поработать на комсомольской стройке он не отказался. То, что он согласился на женитьбу, зогаллинцы объясняли желанием Рафика выполнить последнюю волю отца и не более.

Весть об отъезде Рафика на строительство БАМа больше всех волновала родителей его молодой и красивой жены. Жена Рафика была симпатичной восемнадцатилетней родственницей по материнской линии. По углам в Зогаллы злые языки стали судачить о том, как бы она не натворила непристойного в отсутствие мужа, оставшись без присмотра.

После исправления сороковины отца Рафик оставил дома больную мать и молодую жену, а сам отправился на БАМ.

И стали приходиться из далекого сибирского поселка в Зогаллы письма от строителя БАМа. Что интересно, письма от Рафика в деревню приходили исключительно на имя матери, где только в самом конце он интересовался женой. А потом случилось то, чего даже самые современные зогаллинцы не могли во сне видеть. Размеренная, монотонная, порой скучная деревенская жизнь зогаллинцев на месяц сбилась с привычного ритма. Причиной всему этому стал неожиданный побег жены Рафика. Зогаллинцы не могли найти вразумительного ответа на ее поступок. А случилось вот что: в одно прекрасное осеннее утро мать Рафика, проснувшись, спустилась во двор, но сколько ни смотрела, не увидела невестку. Подумала, что она ушла за водой к роднику. Прошло минут двадцать, но невестка не появилась. Взволнованная женщина стала звать ее, однако ответа не услышала. Тогда она поднялась на веранду, подошла к приоткрытой двери ее комнаты и с тяжелым предчувствием толкнула ее. Зайдя в комнату, она увидела странную картину: свадебный сундук невестки стоял посреди комнаты закрытым, на крышке сундука лежал лист бумаги, а на бумаге – ключ от замка.

В то утро я собирался уходить в школу, в это время услышал голос матери Рафика, через невысокий забор зовущей мою маму. Увидев ее, мама подошла к забору, и они о чем-то взволнованно стали беседовать. Еще через минуту мама позвала меня, дала листок бумаги и сказала:

– Почитай, что тут написано. Только потом никому ни слова.

Я и сегодня помню те три предложения, которые я прочитал: «Мама, извините меня. Я не любила вашего сына, поэтому уезжаю с другим. Не ищите меня, скоро всё узнаете обо мне».

Действительно, через три дня стало известно, что жена Рафика сбежала с мужчиной из мугальской деревни, на десять лет старше себя, в Баку.

Зогаллинцы были задеты трижды:

– Мало что сбежала, так еще с мужчиной на десять лет старше себя, к тому же с мугалом!

Оскорбленный отец девушки стыдился появляться на людях, днями на улицу не выходил. Мама невестки молчала ровно неделю. Оказывается, эти семь дней потребовались ей для выработки тактики защиты. На восьмой день вдруг она вспомнила, что все письма домой Рафик подписывал на имя своей матери, ни одного письма ее родная дочь от мужа на свое имя не получила. Чем не повод для расторжения брака, подумала она и в разговорах с соседскими женщинами этот факт стала приводить в порядке косвенного оправдания поступка дочери.

– Я, конечно, не оправдываю свою дочь, упаси Аллах, – стала объясняться она перед соседками. – Но ты же ее муж, возьми и напиши хоть одно письмо на имя жены, черкни хоть на клочке бумаги одно теплое слово. Она же ведь молодая женщина, живая душа, – виртуально обращалась она к бывшему уже зятю, то есть к Рафику. – Ничего не было. Когда ни зайду, жаловалась, что он ей ничего не пишет. Сидела, сидела дома, подумала, наверно, что она ему не нужна, потому и сбежала.

В отличие от писем, приходивших исключительно на имя матери, ежемесячные переводы в размере ста рублей, которые отсылал Рафик в Зогаллы, приходили исключительно на имя жены. Факт получения родной дочерью денежных переводов от законного мужа никак не вписывался в оправдательный мотив побега, поэтому ее мама в разъяснительных беседах с соседками о переводах никогда не упоминала, как и не упоминала о судьбе собравшихся за год полученных от Рафика денег. Уже после побега широкой зогаллинской общественности также стало известно, что коварная невестка полученные деньги не только не отдавала свекрови, но и не тратила на общие домашние нужды, а хранила у себя в комнате в сундуке, закрытом на замок, ключ от которого, естественно, держала у себя.

Кстати, в те годы зогаллинская общественность действительно была широкой – то, что известно было одному зогаллинцу, известно было и всей деревне. Зогаллинцы радовались всей деревней и горевали вместе.

Позже наступили времена, когда стремительно меняющийся мир невероятно быстро разворотил устои зогаллинского быта, привыкшие к спокойному укладу жизни зогаллинцы растерялись и распались на мелкие группировки. В первое время зогаллинцы еще верили, что перемены временные, что всё вернется назад, старое опять займет свое место. Но маховик истории набирал обороты и останавливаться не думал.

Как ни грустно признавать, сегодня в Зогаллы нет широкой общественности, она похоронена наспех, без формального соблюдения похоронных обрядов, как хоронят в перерывах между боями погибших солдат.

Воспоминания о некогда дружной деревенской солидарности сегодня у молодежи, кроме смеха, ничего и не вызывают.

А старики, вспоминая те дни, сперва смотрят по сторонам, потом тихо, чтобы их не услышал Всевышний, произносят: «Ey, gidi dünya, görüm kimê galırsan?» («О, безжалостный мир, на кого ты останешься?»)

Когда через два дня после побега в присутствии нескольких соседок мама Рафика решила открыть сундук, они там, кроме одной пары блестящих галош, ничего и не обнаружили. Мама невестки и этот факт стала использовать для облегчения ее вины.

– Почти ничего не взяла с собой. Только необходимое из одежды. Считайте, что в чем была, в том и ушла. Мебель всю оставила. Свадебный сундук и то оставила там с новыми галошами.

Тут терпение зогаллинцев лопнуло.

– Да, галоши были новые, но и сундук был пуст! – сказали ей прямо в лицо самые консервативные зогаллинцы, которых подобный проступок зогаллинской невестки задевал больше всех, поймав ее на улице. – Вы нам лапшу на уши не вешайте! Ваша дочь заранее всё тщательно продумала и предварительно спланировала! Так что лучше молчите, а то наденем на вашу пустую голову ваш же пустой сундук!

Угрозы выглядели реальными, поэтому мама невестки быстро отступила к себе во двор, закрывая калитку изнутри на засов, предвидя возможные последствия физического контакта с разгневанными земляками.

В первые дни после побега жены Рафика из деревни зогаллинцев задевал не только сам факт побега, их также мучила загадка: где и как эта бессовестная могла сговориться с мужчиной, проживающим в Баку, к тому же мугалом, да еще на десять лет старше себя:

– Как? – удивлялись они. – Как и где, самое интересное? – недоговаривали они, без того все понимали, о ком идет речь. – Неужели ни один человек краем глаза даже не видел и ничего не заметил? – В конце возмущались зогаллинцы, справедливо рассуждая, что, если бы у них была хоть какая-то предварительная информация о факте сговора, его можно было бы каким-то образом предотвратить.

Двое наивных зогаллинцев с этим вопросом обратились к Кара-дайы, как бывшему разведчику, чтобы тот объяснил, как этой вертихвостке удалось совершить свой грязный замысел и при этом остаться незамеченной всевидящими глазами земляков. И, честно говоря, застали Кара-дайы врасплох: он тоже не знал ответа. Но статус обязывал, поэтому Кара-дайы стал выкручиваться. Но, прежде чем ответить, он предвительно грязно выругался в адрес матери сбежавшей жены Рафика. Два балбеса, задававшие вопрос, зная характер Кара-дайы, сочли ругательство за справедливое возмущение случившимся, поэтому довольно улыбнулись и еще внимательнее стали ждать ответа. Но тот не торопился с ответом. Наступила тишина. Кара-дайы начал издалека, он сослался на тайну женской души, глубину которой, оказывается, даже ученые не знают.

– А если ученые, которые получают огромные зарплаты, не знают ответа на этот вопрос, откуда мне знать? – сказал он. – Это, во-первых. Во-вторых, мугал, который увел жену Рафика, тоже мужчина, видимо, не без способностей, раз ему удалось такая бесшумная и дерзкая операция, – добавил Кара-дайы, постепенно перейдя на военную терминологию. – А в-третьих, дорогие мои, я все-таки был военным разведчиком, поэтому попрошу не путать условия и способы конспирации в мирное и военное время. Понятно?

Балбесам ничего не осталось, как кивать головами в знак того, что им сейчас всё стало понятно, хотя на самом деле они ничего так и не поняли.

Между прочим, по истечении стольких лет этот вопрос в Зогаллы и сейчас остается открытым, потому как любое передвижение и возможные контакты любого жителя деревни, как правило, происходят на глазах других зогаллинцев.

Тем временем в тот же вечер зогаллинские старики собрались на обсуждение сложившейся неприятной ситуации. На обсуждение они вынесли два вопроса:

1. Как получилось, что зогаллинцы попали в такую ситуацию?
2. Как выйти из ситуации, в которую зогаллинцы попали?

Долгим и тяжелым обсуждениям они посвятили несколько осенних вечеров на стоянке возле правления колхоза. В итоге мудрые зогаллинские старики единогласно пришли к выводу, что в такую ситуацию они попали исключительно в результате аморальных действий жены Рафика, которая сбежала из дому с мужчиной старше себя на десять лет, к тому же с мугалом. Несколько стариков, не имея ничего против подчеркивания личности мужчины, с которым сбежала жена Рафика, были категорически против упоминания его возраста.

– Когда я умыкал свою жену, она тоже была младше меня на десять лет, – аргументировал один старик свое возражение, поглаживая усы. – Ну и что? – спрашивал он.

Вопрос застал врасплох большинство аксакалов, они на время замолчали, не зная, что ответить.

– А ничего! Она и сейчас на десять лет моложе тебя, – взялся ответить ему Кара-дайы и озадачил того. Тот весь вечер думал, дважды почесал затылок, но так и не мог понять, что хотел сказать этим Кара-дайы. – Не всегда же нам умыкать мугалок, – естественно, имея в виду себя, позже добавил Кара-дайы. – Видимо, и их время пришло.

Одним словом, по первому пункту виновницей создавшейся ситуации аксакалы сочли сбежавшую жену Рафика и ее родителей, обвинив обоих в недостойном, не подобающем зогаллинскому укладу жизни воспитании.

Второй вопрос аксакалы обсуждать не стали, справедливо полагая, что своим отъездом из Зогаллы жена Рафика разрядила ситуацию, которую сама же создала в первом пункте.

– Вот если бы она не сбежала из деревни в город, а оставалась в Зогаллы с другим мужчиной, тогда другой вопрос, – решили аксакалы. – Тогда можно было бы обсуждать и второй пункт.

– То, что случилось, – это темное пятно на кристально чистом имени зогаллинцев, – перед тем, как расходиться, подытожил самый старый зогаллинец Аллаверди-баба и привел пример. – Однажды на новую белую рубашку Абид-муаллима попала маленькая капля чернил, и сколько дома ни стирали рубашку, не могли удалить пятно. И он больше не одевал эту рубашку на выход, хотя продолжал носить ее дома, когда занимался домашними делами. Так и здесь, своим поступком она очернила нас, надолго лишив нас возможности ходить с гордо поднятыми головами при мугалах. Но что сделаешь, жизнь-то продолжается, как-то придется и это терпеть, надо жить.

Позже некоторым облегчением для зогаллинских стариков явились выводы Кара-дайы, к которым он пришел в результате изучения родословной жены Рафика. Через месяц в разговоре со стариками он доказал, что по линии прапрабабушки у убежавшей вертхвостки в крови имелись мугальские корни, тут же он заметил, что после побега это открытие не имеет никакого значения.

– Пропали золотые украшения и серьги, кольца и бриллианты, купленные на свадьбу, – тем временем горевала мама Рафика.

Но и тут Кара-дайы успокоил всех:

– Никуда они не пропали. Их она взяла с собой.

Зогаллинцы обратились к родителям сбежавшей дочери с требованием:

– Немедленно верните золото и бриллианты! Хватить позорить деревню!

Те согласились на возврат золота и бриллиантов, как только узнают о месте нахождения дочери, но и тут ее мамаша нашла в действиях дочери оправдательные моменты:

– Видимо, бедняжка так торопилась, что не успела снять. Бедненькая, она же совсем ребенок, наверно, так волновалась, что забыла снять их с себя. А то никогда она не взяла бы их. Никогда! Я знаю свою дочь! Мы всё вернем, нам чужое не нужно. Тем более, там наша мебель.

– Мебель получите только после возврата золота и бриллиантов! – поставили условие зогаллинцы.

Аксакалы посоветовали матери Рафика не сообщать сыну о случившемся, тем более, тот писал о скором отпуске. Большинство зогаллинцев окончательно сочли Рафика невезучим и в разговорах стали жалеть его: и собака у него оказалась гулящей, и жена скользкой на ногу.

Зогаллинцы стали готовиться к приезду Рафика. Готовились все: и мама, и соседи, и та часть родни, которая не была связана с уже бывшей его женой. Часть родни, которая была связана с его бывшей женой, тоже готовилась к его приезду. Всех их связывало одно чувство: страх. В деревне боялись реакции Рафика, его возможного неадекватного поведения после того, как он узнает о побеге жены.

Посоветовавшись, аксакалы решили, что будет лучше, если неприятную весть о побеге из дому законной жены Рафику первым поведает Кара-дайы. Кара-дайы должен был по приезду Рафика в деревню первым поговорить с Рафиком, объяснить ему ситуацию и успокоить его.

– Кроме тебя, Кара, никто не объяснит ему случившегося, – пришли к единому выводу аксакалы.

– Надо подстраховаться, – посоветовали аксакалы матери Рафика. – Как только Рафик войдет во двор, отправьте за Кара-дайы кого-нибудь из соседских мальчиков.

Кара-дайы сперва не хотел ввязываться в это дело, но отказать аксакалам тоже было неудобно. С другой стороны, уж больно он уважал, когда тот был еще жив, покойного Алескера, поэтому согласился поговорить с Рафиком и объяснить ему всё.

«Только как этому дуралею объяснишь? У него же ветер в голове», – мучился тогда Кара-дайы целый день и к концу дня решил, как действовать. «Что придет в голову при встрече, то и скажу. Не буду ничего выдумывать».

На следующий день он увиделся с матерью Рафика.

– Поступку вашей невестки нет оправдания, – успокоил ее Кара-дайы, – но только не обижайся, не меньше виноват и ваш сын, собаковед! – не любил Кара-дайы Рафика, не нравились ему странности Рафика.

Мать Рафика пустила слезу...

Мальчика за Кара-дайы посылать не пришлось. Как говорится в русской поговорке, зверь сам бежал на ловца. В первый свой отпуск Рафик приехал в Зогаллы в декабре месяце. Из автобуса он вышел на остановке возле магазина, на любимом месте бесед зогаллинских стариков. По чистой случайности в этот момент Кара-дайы тоже находился на остановке. Бородатого молодого человека с ондатровой шапкой на голове и с двумя чемоданами в руках никто не узнал, пока он сам не подошел к аксакалам и не начал здороваться с ними. В чемоданах у Рафика лежали три костюма, которые он купил для себя, шаль и жакет для матери, шуба на искусственном леопардовом меху для жены.

Между прочим, первым располневшего Рафика Кара-дайы и узнал.

– Это же наш собаковед, – крикнул он. – Совсем обрусел, бороду отпустил.

Рафик поздоровался со всеми аксакалами, направился было домой, Кара-дайы притормозил его и сказал:

– Не спеши, я тоже пройду с тобой.

Мудрые аксакалы в знак согласия покачали головами.

От остановки до дома Рафика минут пять пешего хода. По дороге односельчане подозрительно здоровались с Рафиком, поэтому Кара-дайы решил не тянуть с объяснением.

– Стрельнул прямо в лобяру, как на войне бородатому фашисту из засады, – позже он мне рассказывал, – потому что не хотел юлить.

– Приехал бы месяцем раньше, застал бы и жену дома, – сказал Кара-дайы, насторожив Рафика.

– А сейчас где ее застану? – с удивленными глазами спросил Рафик. Он остановился, тяжелые чемоданы поставил на землю и уставился на Кара-дайы.

– Как где? Сейчас нигде. Даже родители ее не знают, где сейчас она находится. Тебе что, не писали?

– Кара-дайы, что-то вы темните. Что случилось?

– Что тут темнить. Я думал, ты в курсе дела. Убежала твоя жена, анассыны ее мугальских корней! Хотел я еще тогда, перед свадьбой, отговорить покойного отца твоего от этой семьи, да не решился. Не хотел расстроить его, большого!

– Кара-дайы, что случилось? Можете нормально объяснить? Куда она сбежала, с кем сбежала? Как мама? С мамой-то всё в порядке?

– С мамой всё в порядке, слава Аллаху! А жена бывшая твоя, хорошо что сбежала, еще бы месяц, и ты маму не застал бы дома живой. И еще раз слава Аллаху, что именно так случилось.

– Не пойму, Кара-дайы?!

– Что тут понимать? Издевалась она над матерью твоей, понимаешь? Из тех денег, что ты отправлял, ничего не давала ей. И всё по дому делала твоя мама. А сама в это время снюхалась с каким-то мужиком, месяц назад собрала вещи и ночью удрала с ним в Баку. Искали повсюду, не могли найти, пока не нашли в комнате на столе записку: «Мама, не ищите меня, мол, мне надоело жить у вас. Не любила я вашего сына! Полюбила я другого». Вот такая вот оказалась твоя бывшая жена. И слава Аллаху, что случилось так, – закончил Кара-дайы, посмотрел на серое лицо Рафика, еще раз поднял руки вверх и повторил: – Слава Аллаху, что так случилось. А то опозорились бы совсем. Слава Аллаху!

Рафик после недолго молчания проговорил:

– А сейчас не опозорились, да?

Кара-дайы в душе порадовался, что его затея удалась, поэтому продолжал:

– Все в Зогаллы знают, какая чистая семья у покойного Алескера. Белую стену в любой цвет можно покрасить. Но очернить стены вашего дома невозможно! Своим поступком твоей бывшей жене не удалась запачкать кристальную чистоту вашей фамилии. Всё, чего она добилась, – это то, что она опозорила себя, своего отца и братьев! Наша сторона ни грамма не опозорилась! Ни грамма! Я говорю «наша сторона», потому что я тоже выступаю на вашей стороне! Поэтому я спокоен и говорю: слава Аллаху, что удалось избавиться от такой шайтанки без позора.

Рафик слушал молча. Кара-дайы был на своей волне:

– Почему мы не опозорились? Потому что она сама ушла, потопала своими ногами! Как только терпит наша земля такие бесстыжие ноги? Вот если бы, например, мы, по нашей инициативе, вернули бы ее назад, в отцовский дом, как невестку, не устраивающую нас, – тут бы мы опозорились. Что сказал бы народ? А народ сказал бы: «Молодую невестку, как необъезженную лошадь, терпеливо надо приучать к порядку, а не избавляться от нее». А так она сама ушла. Ушла не в отцовский дом, не к маме своей она вернулась! Нет, сбежала она с сомнительным мужчиной, который лет на десять старше нее. Разве это не позор? Конечно, позор! И хорошо, что ушла сама, и еще хорошо, что ушла вовремя! Останься она еще на год, нам пришлось бы силой освобождаться от этой аферистки. Я и твоей маме сказал: «Не плакать надо, а радоваться. Вовремя смылась с нашего порядочного имени эта грязь!» Пусть сейчас позорятся ее родители, братья и сестры! Пусть им будет стыдно, пусть они зальются краской, анассыны их мугальской фамилии!

– А что народ говорит, Карадайы? – спросил ошарашенный Рафик.

– А что народ? Народ весь на нашей, то есть, на твоей стороне. Поехал, говорят, на всеоюзную стройку деньги зарабатывать, куда не каждого берут, говорят, между прочим. Работал, говорят, и каждый месяц исправно слал тебе деньги. Чего тебе не хватало, говорит народ, ай, бессовестная, сиди дома и жди, когда вернется муж. Чего тебе еще надо было? Народ полностью тебя поддерживает, мало того, все как один поставили условия перед ее родителями, чтобы в кратчайшие сроки вернули золото и бриллианты, купленные ей на свадьбу! Верните, и все, сказали родителям!

– Все забрала, да?

– Да, все, – Кара-дайы уменьшил тон, но тотчас же возвысил голос. – Между прочим, это еще один позор им! Если ты уж решила уходить из порядочного дома к своему хахалю, будь добра, снимай все, что было куплено тебе в этом доме, и уходи. Уму непостижимо, какую же наглость надо иметь, уходить из дома законного мужа с его же золото-бриллиантами. Но ты не волнуйся, вернут, как миленькие, вернут, никуда они не денутся. Тут наши позиции еще сильнее. Зогаллинцев не проведешь!

Несколько минут они оба молчали. Перед входом во двор, Кара-дайы остановил Рафика:

– Скажем, если бы она ушла от тебя к другому, когда ты был дома, – вот тогда это был бы наш позор! Недоглядел, сказали бы люди, недосмотрел! От такого мужа

на самом деле надо уходить. Не муж, а чучело, сказали бы! А когда муж на заработках на престижнейшей стройке страны, уйти из дома от его больной матери особого ума не требуется. Ты даже не думай, ходи с гордо поднятой головой. Пусть они стыдятся. Я сам, между прочим, даже где-то тебе завидую, – Кара-дайы невозможно было остановить.

– Бросьте вы, Кара-дайы, а чему тут завидовать?

– Это ты так думаешь. Я в молодости после армии так мечтал, чтобы и моя жена ушла куда-нибудь. Я готов был выпроводить ее даже сам, со своим позором. Не повезло тогда мне. Не смог я свою мугалку никуда выпроводить. Сколько лет прошло, не живу, а страдаю. А твоя оказалась шустрее – поняла, что она не достойна тебя, вот и удрала! Туда ей и дорога!

– И как мне быть сейчас, Кара-дайы?

– А никак! Как забыл тогда свою импортную собаку, так и забывай эту сукину дочь! Ты молодой, красивый парень! У тебя есть все, прежде всего чистое имя. В Зогаллы в какой дом пальцем покажешь, из того дома и выберем тебе невесту! Я лично пойду сватом! Маму успокой, и все!

Во дворе мать Рафика обняла сына и начала плакать:

– За что Всевышний проклял нас, сынок? В чем наша вина, сынок?

Рафик успокаивал ее:

– Не плачь, мама! Может, это даже к лучшему! Все, что ни делается, все к лучшему. Вот и Кара-дайы говорит, что это не наш позор!

Стоявший рядом Кара-дайы после этих слов Рафика довольно улыбнулся под белыми усами, посчитав свою задачу выполненной, повернулся и ушел, оставив в центре двора маму с сыном.

То, что Рафик, как и в случае с собакой, спокойно и без истерики принял случившееся, честно говоря, сильно удивило видавших виды зогаллинских аксакалов, которые ждали от него более бурной реакции и готовы были за это оправдать его. Несколько пьяных выходок по этому поводу со стороны Рафика считалось бы в порядке вещей. В конце концов, для приличия он мог бы с топором в руке имитировать атаку на дом родителей бывшей жены. В дом, естественно, его не пустили бы, остановили бы еще по дороге, но факт возмущения засчитался бы ему. Тот же пустой сундук, привезенный бывшей женой из родительского дома, по идее, подлежал демонстративному уничтожению посреди двора с дальнейшим его сожжением в печке. Можно было поломать что-нибудь из мебели, скажем, разбить обеденный стол и несколько стульев. В конце концов, ту же самую шубу на искусственном леопардовом меху, купленную как подарок жене, он мог расстелить на входе во двор как половой ковер, чтобы об нее вытирали свои грязные сапоги зогаллинцы, навещающие его по случаю приезда. К сожалению, ничего не было Рафиком предпринято, что расстроило ожидавших бурной реакции с его стороны зогаллинских аксакалов.

Рафик с рождения был непредсказуем.

Первый раз его судили на БАМе. После побега жены он вернулся на стройку и три года не приезжал в отпуск в Зогаллы. Справедливости ради, письма матери он писал регулярно и регулярно слал деньги.

Но вдруг как-то неожиданно перестали приходить письма и переводы, вместо них пришло казачье письмо из какого-то сибирского поселкового суда, где бедную мать извещали о том, что её сын по какой-то статье осужден на три года. Знатоки уголовных дел в Зогаллы квалифицировали статью как хулиганство, нашлись и такие, которые связали данную статью с наркотиками. Как показала дальнейшая жизнь Рафика, и те, и другие знатоки в принципе были правы: впредь его не раз могли судить по обоим вышеназванным статьям.

Как-то в разговоре со мной Рафик признался, что в тюрьму он тогда попал за драку, во время которой кого-то ранил ножом.

– Муаллим, дралось много народу. Любой из дерущихся мог ударить любого. Списали на меня, я был под кайфом, ничего не помнил.

– Под каким кайфом? – наивно спросил я. – Пьяный был?

– Всяко бывало, – уклонился он от прямого ответа.

После осуждения два месяца Рафика держали в СИЗО маленького таежного поселка в одной камере с несколькими местными уголовниками, которые, оказывается, вынашивали планы побега из камеры, для чего собирались спилить железную решетку на окне. Тут-то с Рафиком случился первый конфуз, о котором он мне позже сам рассказывал и смеялся:

– Как вспомню тот случай, и сегодня мне стыдно становится, не поверите, муаллим! Тюрьма – это другая жизнь, другие понятия. Это была моя первая ходка, я тогда ничего не знал о тюремных законах. Сидели мы в одной камере в изоляторе и мерзли. В десяти метрах семь человек сидели. Их было шесть мужиков, все из одной дальней таежной деревни, километрах в восьмидесяти от этого поселка. Тоже сидели за какую-то мелочь, сегодня уже не помню. Оказывается, они, эти мои соседи, подкупили охранника, тот должен был передать им напильник, чтобы спилить железную решетку на окне. Меня, естественно, они не поставили в известность. Я сидел и злился, когда же меня переведут в тюрьму.

Всё, оказывается, у этих ребят шло по плану. И смена в тот день была подкуплена, и напильник передан, только я ничего не знал. Нам передали завтрак, буханку хлеба на семерых, и не помню, что еще было. Те довольно переглянулись друг с другом, вдруг неожиданно открылась дверь камеры, и скомандовали:

– Всем встать! Проверка! Ты, ты, ты, ты, ты и ты, – показали на тех шестерых, – руки за головы и на выход!

И повели их. Остался я один. Ждал их час, может, больше. А их нет. Сам голодный, взял буханку, отломал кусок хлеба, а там напильник. Удивился еще: «Надо же, как неосмотрительно хлеб пекут», – подумал. Тут открывается дверь камеры, заходят проверяющие: один полковник, рядом с ним начальник СИЗО и другие маленькие начальники. Вскликаю, представляюсь по форме.

– На что жалуешься? – спрашивает полковник

– На всё, – отвечаю я. – Сколько еще тут буду сидеть в изоляторе? Когда меня переведут?

Полковник дал нагоняю остальным.

– Сегодня-завтра переведем, – заверили те его.

– Еще на что жалуешься? – спросил полковник.

– На качество хлеба, – ответил я, черт меня дернул...

– А чем тебе наш хлеб не нравится? – полковник удивился.

– Вот, смотрите, – отвечаю, – что я нашел в хлебе, напильник, – и показал им.

– Бляаа, что тут началось?! Муаллим, это нельзя передать словами, это надо было видеть! Меня в тот же день по указанию полковника отправили в тюрьму, от греха подальше. Это я потом понял, что он меня спас. Если бы меня оставили там, ночью грохнули бы. А то, получается, что полковник спас меня. Вот каким ослом был я, муаллим, тогда. Это я сейчас такой умный. Раньше был натуральным ослом!

По словам Рафика, в тюрьме он досконально выучил уголовное законодательство страны, видимо, догадываясь, что в дальнейшем оно может ему понадобиться. Позже свои знания в юриспруденции он часто применял на практике, но, к сожалению, как правило, в большинстве случаев безуспешно. Споры Рафика с зогаллинским участковым Сабиром по вопросам применения и толкования некоторых законов, а также его ответы на судебных заседания прочно вошли в антологию зогаллинских шуток.

О знаниях Рафика в уголовном законодательстве мы еще поговорим, но давайте вернемся к тюрьме, откуда он за примерное поведение освобожден на полгода раньше срока. После освобождения Рафик год работал в Алтайском крае. Из Алтайского края он писал матери, что уже освобожден, устроился на работу, у него всё хорошо, обзавелся даже собакой. Мать стала настаивать на немедленном его возвращении домой, хоть с собакой, хоть без нее. И наконец-то убедила его в необходимости возвращения.

В Зогаллы Рафик вернулся к развалу Советского Союза без собаки, но с женой по имени Олимпиада. Историю своего возвращения домой Рафик позже часто вспоминал и рассказывал всем подряд.

– Перед выездом из Алтайского края на родину передо мной был тяжелый выбор: кого забрать с собой? Олимпиаду или собаку? С одной стороны, с собакой я когда-то имел дело, с другой стороны, с женщиной тоже. Долго думал, потом выбрал Олимпиаду. Человек, он всегда первичен. Тем более женщина. И не жалею! – как правило, в конце обязательно твердо подчеркивал он, что должно было означать, что представитель человечества у него всегда приоритнее представителя животного мира, что ни говорили бы об этом отдельные любители собак и кошек. И самое главное – удачный выбор есть результат его дальновидности и жизненного опыта.

После этих слов он искусственно задумывался и многозначительно смотрел на собеседника. Не знаящим его юношескую историю с Волгой, Рафик коротко описывал продолжительную практику общения с собакой, которая, по его заключению, впоследствии оказалась неблагодарной.

Олимпиада была уроженкой высокогорной деревни из Алтайского края, хотя сама была невысокого роста. Это была розовато-смуглая худая девушка с узкой талией. В зогаллинской среде всегда ценились (и сегодня почему-то ценятся) невесты мясистые и полные, поэтому изумленные земляки остались недовольны выбором Рафика, хотя в первое время глядели на Олимпиаду с нескрываемым интересом. В отличие от зогаллинцев, сам Рафик был доволен своим выбором, особенно именем жены.

– Как вам имя моей жены, муаллим? – как-то с нескрываемой гордостью он поинтересовался моим мнением, ожидая, естественно, положительного ответа. Я посмеялся тогда и ответил:

– Лишь бы тебе нравилось. Главное – душа человека, его характер. Если подходите друг другу, остальное имеет мало значения, в том числе имя.

– Не согласен, муаллим, не согласен, – возразил подвыпивший Рафик. – Зовут ее Олимпиада, и сама она, как огонь олимпийский. Всё умеет по дому! С первого дня и корову доит, и буйволицу. Буйволицу доить, муаллим, сами понимаете, не каждая хозяйка способна. Тут, кроме характера, и твердые пальцы нужны. В первый день буйволица сама ошалела. Кто она, откуда взялась, на наших не похожа, наверное, думала. Но ничего, привыкла. За месяц научилась печь хлеб в тандире. Видите вон то ореховое дерево, – Рафик указал на ореховое дерево высотой метров сорок, стоящее за их домом, – залезла и обтрусилась. Сама залезла, муаллим, и обтрусилась! «Куда лезешь, сорвешься еще, не дай Аллах», – говорил я ей. Она махнула рукой: «У нас кедровые орехи выше будут», – ответила и как белочка залезла.

История с обтрусиванием орехового дерева тогда в Зогаллы наделала много шума. Может быть, обошлось бы без шума, если бы это случилось через некоторое время после их возвращения в Зогаллы. Дело в том, что они вернулись осенью, в сентябре месяце, akurat к сбору орехов и фундука. А на третий день Олимпиада залезла на сорокаметровое ореховое дерево.

Что интересно, точную высоту этого орехового дерева в Зогаллы, естественно, никто не знал, и сегодня никто не скажет. Но почему-то все решили, что оно имеет сорок метров в высоту и не меньше.

В дальнейшем в разговорах зогаллинцы всегда, как сговорившись, указывали именно эту высоту, чтобы подчеркнуть особо злобный характер в действиях Рафика. Будто, если бы, скажем, дерево имело высоту в тридцать восемь метров, зогаллинцы снисходительно отнеслись бы к его действиям.

К слову, все, что связано с цифрой сорок, в Зогаллы имеет особое трагикриминальное, предупредительно-охранительно мифическое значение. Зогаллинцы никогда не отмечают дни рождения в сорок лет. Справедливости ради, отмечать дни рождения в Зогаллы никогда не считалось обязательным мероприятием, тем более о сорокалетнем юбилее никто никогда не заикается. Даже самые близкие люди навещают новорожденного младенца только после сорока дней со дня его рождения. Число «сорок» для зогаллинцев – число изменения: сорок дней мужчины не сбрасывают бороды после смерти близкого, и только на сороковой день после смерти, в день поминок по усопшему, они очищаются от обросшей щетины во дворе покойника специально приглашенным для этого цирюльником, как бы позволяя себе начинать новую жизнь. Особо верующие зогаллинцы при упоминании числа сорок моментально напоминают, что Пророк Магомед был призван в сорок лет, и что Коран надо читать каждые сорок дней.

Как бы там ни было, зогаллинцы только им одним известным способом тогда определили, что ореховое дерево за домом Рафика имеет сорок метров высоты. В Зогаллы женщины никогда не лезли на дерево трусить орехи, считалось это исключительно мужским занятием. А тут по деревне поползли слухи, что Рафик на третий день заставил жену лезть на дерево.

– Слышали? – передавали зогаллинцы друг другу. – Три дня как вернулись, а он уже заставляет жену лезть на дерево высотой сорок метров.

– А сам-то что делает? – спрашивали другие.

– Сам сидит на земле и смотрит, как жена лазит по веткам.

Зогаллинцев в этой истории почему-то больше всего задевало то обстоятельство, что это случилось на третий день после их прибытия в деревню, и этот факт они обязательно подчеркивали в разговорах между собой. Неподобающим воспитанию зогаллинского мужчины поведением также считалось то, как Рафик снизу смотрел на карабкающуюся по ветвям орехового дерева жену.

– Жену на третий день, как козу по скалам, пустил по дереву, а сам сидит внизу и подглядывает вверх. Не дал ей даже отдохнуть после дальней дороги! А если она сорвется, не дай Аллах, тогда что? Как в люди будем выходить? Опозоримся перед всем светом. Без того мугалы смеются над нами, – возмущались зогаллинцы.

А мугалы тем временем не заставили себя долго ждать и на самом деле начали смеяться: они пустили слух, якобы сын покойного Алескера привез из Алтайского края России обученную обезьяну, которая лазит по самым высоким ореховым деревьям деревни и за считанные минуты стряхивает их.

– Они кого угодно обучат, лишь бы самим не работать, – якобы вдобавок сказали мугалы.

Пришлось в дело вмешаться зогаллинским аксакалам, и они вызвали Рафика на разговор.

– Как это понимать? – спросили они у Рафика. – Трех дней нет, как ты вернулся домой, а уже жену заставляешь трусить ореховое дерево высотой сорок метров. А сам сидишь, говорят, и снизу наблюдаешь, подглядываешь под юбку собственной жены.

Рафик клялся и божился, что, во-первых, не он заставил жену лезть на дерево, это было ее личной инициативой. А во-вторых, она лезла трусить не в юбке, а в спортивных брюках, и в-третьих, когда она трусилась дерево, он не смотрел вверх, потому что боится высоты. Он собирал на земле обтрусенные орехи, никуда не подглядывал.

Старики остались недовольны ответом.

– Может, в России женщины и лазят по деревьям, – сказали они Рафику, – но у нас такое не принято. Женщины у нас стирают, кушать готовят, двор подметают, коров и буйволиц доят, воду из родника носят, за детьми ухаживают и другими мелкими делами по дому занимаются. У нас мужчина должен лезть на дерево и трусить орех! Мужчина должен всегда находиться на высоте, а не женщина! Нельзя, чтобы женщина свысока смотрела на нас!

– Как же так? – хотел по своему обычаю возразить Рафик. – Сейчас женщины даже в космос летают и оттуда смотрят на всех мужчин.

Старики были неумолимы.

– Космос – одно дело, ореховое дерево – другое! Чтобы больше не повторилось! – пригрозили они Рафику.

– А больше и не повторится, – посмеялся Рафик, – у меня одно-единственное ореховое дерево.

Масла в огонь подлил еще и Кара-дайы: не задумавшись, в какой-то компании, после изрядного количества выпитого вина, он проронил, будто был бы не против, если бы жена Рафика обтрусилась и его ореховое дерево, раз ей так нравится это занятие. Потому как, оказывается, вот уже сколько лет сыновья его соседа Абдуллы втихаря трясут его ореховое дерево, обворовывают его. Наутро, поняв абсурдность своих слов, Кара-дайы быстро ретировался, списав свои слова на старую больную и пьяную голову.

Мугалам тоже пришлось отвечать за оскорбительную «обезьяну». Группа бравой зогаллинской молодежи направилась в мугальскую деревню, чтобы найти и наказать того мугала, который пустил подобный слух. Мугалы испугались не на шутку, стали клясться, что зогаллинцы их неправильно поняли.

– Как же вас понимать, когда вы нашу алтайскую невесту называете обезьяной? – еще больше возмутилась группа.

– Да мы не невесту вашу алтайскую обезьяной называли, – оправдывались мугалы, – мы сказали, что ваша невеста лазит по дереву лучше обезьяны. Мы именно так сказали, никак не иначе. Как мы можем вашу алтайскую невесту называть обезьяной, когда знаем, что на Алтае обезьяны не водятся. Тем более, сколько лет мы с вами соседи? – схитрили, как всегда, мугалы, – мы просто сравнивали искусство вашей невесты лазить на дерево со способностями обезьяны по этой части. И всё. А вы что думали?

А что могла думать после такого ответа группа зогаллинцев? А ничего. Мугалы, какими они отстались ни были, как известно, благодаря советской власти тоже ходили в школы. Им из школы, видимо, было известно, что по части лазания по деревьям тягаться с обезьянами мало кто может. Поэтому группа разочарованно вернулась назад, предварительно пригрозив мугалам:

– Вы лучше на себя смотрите, прежде чем нас сравнивать с обезьянами. Вы сами от орангутангов далеко не ушли.

Мугалы делали вид, что обиделись на последние слова зогаллинцев, хотя после их ухода, как дети радовались, что легко отделались. Как бы там ни было, от этой истории в душах у зогаллинцев остался неприятный осадок.

Позже эту историю мне рассказал сам Рафик.

– В тот день в Зогаллы все только об этом и говорили. Думали, что я заставил ее залезть туда. Дураки! Как можно заставить человека залезть на дерево? Если он не умеет залезть, так ты к нему хоть автомат приставь, не залезет, и всё! Я так и сказал нашим аксакалам, – смеялся Рафик над наивными земляками. – Они мою Олимпиаду не знают. Она у меня золото. Ты отдыхай, говорит мне Олимпиада, ты устал, ослаб в тюрьме, я всё сама сделаю по дому. Золото, а не жена, – восхищался Рафик Олимпиадой.

И Рафик отдыхал, между прочим. Вернувшись домой, он действительно по дому ничего не делал, вел образ жизни гусара, проматывающего родовое поместье. Всё по дому делала Олимпиада.

– Муаллим, в жизни не догадаетесь, какой косой она траву косит, – как-то сказал мне Рафик. Мне уже дома рассказали, что жена Рафика орудует косой лучше любого зогаллинского мужика.

– Семеркой, наверно, – поэтому с интересом поддерживал я разговор.

– Вот и не угадали. Висели, значит, отцовские косы на стене, подошла и выбрала самую большую, девятку выбрала. Я схватился за голову. Куда тебе девятку, на девятку я сам не подхожу. Всё умеет, всё делает. Настоящая олимпийка, дома я ее семиборкой называю. Смеется.

– Повезло тебе, Рафик, – говорю я. – Так что береги ее.

– Берегу, муаллим, ей-богу, берегу. Каждый день говорю ей: «Отдыхай! Поработала, отдыхай!» Она не хочет даже меня слышать.

Изобразив руками свое бессилие перед неимоверным рвением жены ко всякой работе, Рафик продолжил:

– Нет, раз тебе нравится работать, работай, я лично ничего против твоего желания не имею! Но отдых тоже нужен! Отдыхать тоже надо уметь. И мама, тоже только и говорит: «Пиада, отдыхай, потом сделаешь».

Кстати, пока не забыл: зогаллинцы укоротили красивое имя жены Рафика, стали звать ее Пиадой. Дети обращались к ней как «тетя Пиада». Все бы ничего, Пиада на азербайджанском языке означает «пеший, пешая», поэтому в первое время, как правило, зогаллинцы после каждого обращения к ней тихо улыбались, добавляя под нос:

– Да хоть даже верхом...

В первый год, по наблюдению зогаллинцев, Рафик с женой жили душа в душу. На самом деле всё было не так: пока не было детей, Пиада терпела мужа, который только пил и гулял. Когда родился первый ребенок, Рафик пил неделю, придя в себя, назвал мальчика именем отца – Алескером. Еще через год родился второй мальчик. Рафик назвал его своим именем, ошаршив не только выдавших виды зогаллинцев, но и соседних мугалов, например, того же секретаря зогаллинского сельсовета, который по происхождению был мугалом. Решение Рафика назвать сына своим именем было революционным шагом даже в республиканском масштабе, потому что у азербайджанцев не принято называть сына именем отца. В сельсовете уперся тот самый секретарь-мугал, куда Рафик пришел за свидетельством о рождении ребенка.

– Это у русских можно назвать сына именем отца. У нас не положено, – твердил он. – Тем более, мы сейчас русским не подчиняемся. Мы независимое государство.

– А почему у русских можно, а у нас нет? – тупил и Рафик.

– Откуда мне знать? Так положено, значит, у них. У нас так не положено. Если бы мы русским подчинялись, то еще можно было бы как-то объяснить. Сейчас мы никому не подчиняемся, у нас независимое государство, свои законы. – упирался секретарь.

– Что тогда получается: у русских, значит, можно, а у нас нет, да?

– Да, у нас нельзя. Закон не разрешает.

Ссылка на несуществующие законы является любимым коньком бюрократов и чиновников всех рангов. Секретарь зогаллинского сельсовета не был исключением. Но и Рафика надо было знать: ведь он, по его собственному утверждению, за время, проведенное в тюрьме, оказывается, выучил не только уголовное, но и гражданское законодательство. Поэтому следующим вопросом он загнал секретаря в тупик:

– А если у ребенка мать из России? Если это ее желание? Что в таком случае говорит закон?

«Ык, мык», – секретарь начал заикаться.

Но это было еще не всё: привыкший ссылаться только на официальные источники, Рафик упорно стал требовать закон, по которому подобное запрещено:

– Покажите мне закон, согласно которому сына нельзя назвать именем отца. Покажите!

Выдавшие виды чиновники – и те тяжело переносят подобные вопросы, зогаллинский секретарь тем паче. После десятиминутной дискуссии, как позже хвастался Рафик, сдался секретарь сельсовета. Он не выдержал напора молодого знатока юриспруденции, умоляющим тоном стал того просить:

– Столько вокруг красивых имен. Зачем оно нужно тебе?

Рафик был неумолим:

– Чем вам мое имя не нравится? Вы покажите закон, потом просите!

Закона под рукой у секретаря, естественно, не было, поэтому он признал свое поражение.

– Хорошо, придешь завтра и заберешь, – махнул рукой секретарь. – А сейчас иди!

Рафик встал и стал уходить, по ходу продолжая возмущаться:

– Вот страна, именем дедушки можно назвать ребенка, а именем отца нет! Безобразие!

– Стой! – закричал секретарь, когда Рафик открыл дверь, чтобы выйти из комнаты, – тебе не надо приходить, я сам принесу свидетельство или передам с кем-нибудь. До свидания!

– Только чтобы с моим именем было! – грозно предупредил Рафик.

– Нет еще, с моим. Конечно, с твоим, – пробурчал секретарь.

Тунеядство Рафика, в начале семейной жизни обусловленное добродушием жены, со временем приобрело форму невыносимого паразитизма. Мало того, что Рафик ничего по дому не делал, так он стал требовать у жены денег, начал пропивать пенсию матери. К тому же по Зогаллы пошли слухи, что Рафик пристрастился не только к водке, он не прочь и покуривать всякие травки.

После рождения второго ребенка Олимпиаде стало тяжело одной тянуть столь большое хозяйство. Обращения к Рафику имели страшные последствия – он кричал на жену, обзывал ее, а с некоторого времени и стал побивать. Олимпиада терпела издевательства со стороны мужа, молча переносила тяготы семейной жизни. Но после очередного избиения ей пришлось обратиться в милицию. В противном случае соседи грозились отдать Рафика под суд, якобы за применение огнестрельного оружия на улице.

И Рафика в первый раз осудили на родине за избиение жены. На суде Рафик не признал факта избиения, но признал использование отцовского ружья при выяснении семейных отношений на улице.

Суд был показательным. Как это странно ни звучит, Рафик понравился и прокурору, и судье своими остроумными ответами. Поэтому отношение с их стороны к Рафику было более чем доброжелательным. Олимпиады на суде не было, она с большими детьми лежала в больнице.

– Подсудимый, расскажите с самого начала, как всё это случилось? – предложил судья.

– Расскажу, с самого начала расскажу, – ответил Рафик, – и вы убедитесь, что я не виноват и во всем был прав. На моем месте вы бы тоже поступили точно так же, – посмотрел Рафик на судью.

– Вы лучше о себе расскажите, подсудимый, а как мне поступить, я сам решу, – перебил судья.

– Хорошо! Товарищ судья, с каких пор избиение собственной жены стало уголовно наказуемым? Наши отцы и деды, как мы знаем из истории, часто поколачивали своих жен для порядка.

И прокурор, и судья, и участники суда еле сдерживали смех.

– Вы давайте, расскажите всё, с самого начала, а мы потом скажем вам, с каких пор, хорошо?

– Договорились! Да, признаюсь, до этого я несколько раз поднимал руку на свою жену. Признаюсь, что это неправильный поступок с моей стороны. Виноват! Но в этот раз не бил я ее.

– Подсудимый, вы расскажите, как все было, с самого начала, не тяните.

– Куда еще тянуть? Но я не бил ее, только хотел побить. Я хотел проучить ее, понимаете? Но она залезла под кровать, откуда я не мог ее достать.

– И что?

– И что! Обругал я ее нецензурными словами. Чего я никогда не делал, между прочим! Никогда! Почему на этот раз обругал? Потому что не мог ударить, так как она находилась под кроватью. Потому и обругал. Вы представляете мое состояние? Я хочу бить ее, а не могу! Что мне оставалось делать? Обругать и ждать, пока она выйдет оттуда.

– Хорошо, что было дальше?

– Что было дальше? Взял табуретку, сел рядом с кроватью. И стал ждать. Курил одну сигарету, вторую. Ну, думаю, я сейчас выкурю оттуда, пришелица с Алтая! А ей хоть бы что, лежит под кроватью и не выходит. Ну, извинись хоть оттуда, ну, скажи, что больше не будешь. Куда там! Я еще больше злился. Ну, лежи, думаю, посмотрим, сколько будешь лежать, посмотрим, чья возьмет? А тут, как назло, через два часа у меня сигареты кончились, – остановился Рафик.

– Чего вы остановились? – удивился судья. – У вас кончились сигареты, что дальше?

– Что дальше? Заглянул под кровать, как лежала, так и лежит. Про себя подумал, может, она заснула? Думаю, пусть спит себе, а я сбегаю за сигаретами. Куплю, буду дальше дежурить. Тогда я поднялся, тихонько, на носках, чтобы не будить ее, вышел из комнаты и спустился во двор. Она, оказывается, только этого и ждала. Выскользнула из-под кровати и мимо меня бегом на улицу с криками...

– Расскажите, расскажите, что было дальше?

– Мне ничего не оставалось, как взяться за ружье.

– Вы взяли ружье и побежали за ней, да?

– Так точно, товарищ судья! Я взял ружье и побежал защитить поруганную честь свою. Я не хотел в нее стрелять. Я хотел напугать ее и вернуть домой.

– Вы стреляли?

– Один раз, и то в воздух! Свидетелей много, любой подтвердит.

– А вы не допускали, что стрельба из ружья, даже тогда, когда вы стреляете в свою жену, создает опасность для окружающих?

– Товарищ судья, я же говорю, что стрелял в воздух. Кто нас из воздуха окружает-то? Инопланетяне, что ли?

– Ты тут не умничай! – получив необходимую информацию, прокурор стал жестким. – Инопланетяне, тоже мне, – прокурор хотел еще что-то добавить, но, не найдя подходящего слова, замолк.

– Что вы себе позволяете, подсудимый? – не выдержал и судья и поддержал прокурора, – какие еще инопланетяне? Нет еще, – тоже не нашел слова и в завершение покачал головой.

Одним словом, не найдя других слов, прокурор с судьей решили не тянуть дело. Прокурор просил три года, судья не стал перечить ему, и осудили они Рафика на три года.

Перед зачитыванием приговора, судья, который славился своей добротой и которому почему-то сильно уж понравился Рафик, мягко спросил:

– Подсудимый, вас когда-нибудь раньше приговаривали к тюремному заключению? – больно ему хотелось убедиться в искренности Рафика.

– Никогда! – воскликнул Рафик и вдобавок еще и зарыдал.

Судья и прокурор засмеялись.

– Ну, ну, не плачьте, Рафик, не плачьте, – утешил его судья, – сейчас мы это исправим. Раз ты не хочешь признаваться, всё исправим.

И стал он зачитывать приговор. Рафик мужественно принял решение суда, только в конце проговорил:

– Спасибо, исправили!

– Будешь знать, как надо вести себя в суде, – пробурчал под конец прокурор.

В заключительном слове Рафик поблагодарил суд за гуманное решение, потому что, по его словам, по совокупности за совершенное преступление он, оказывается, ожидал четыре года для себя.

– Спасибо вам за столь единогласное решение, – поклонился Рафик судье, потом прокурору, и его увели.

На этот раз он полностью отсидел положенный срок, жена Олимпиада часто ездила к нему на встречи, тягая большие неподъемные сумки.

Когда Рафик находился в тюрьме, в Зогаллы кто-то пустил слух, что домой к Олимпиаде он больше не вернется, освободившись, уедет обратно в Россию. Однако, выйдя из тюрьмы, Рафик вернулся домой, с первых дней подчеркивал, что к жене претензий не имеет.

– Какие могут быть претензии? – удивлялся он. – Моих детей, считай, одна ставит на ноги. Ей надо памятник поставить, а не обижаться на нее.

В те годы, после возвращения Рафика домой из тюрьмы, все соседи стали свидетелями своеобразной утренней переклички, которая отчетливо была слышна со двора. Просыпался Рафик по деревенским меркам очень поздно, в районе где-то около десяти часов утра, выходил на веранду и довольно громко звал жену:

– Олимпиада!

Когда он первый раз звал жену, его голос хотя и звучал громким, но не предвещал никакой угрозы. Олимпиада, которая в это время была занята или в огороде, или в курятнике, или же на скотном дворе, не слышала мужа. Второй раз Рафик кричал еще громче и чуть угрожающе:

– Олимпиада-а-а!

Опять не слышно было ответа от Олимпиады.

После второго клича все соседи бросали свои дела, в напряжении ждали третьего зова Рафика, будто по радио должны были передавать какую-то важную новость.

Тем временем Рафик делал небольшую паузу, и в третий раз он не звал жену, а рычал, как раненый лев:

– Петровна, твою мать!!!

Как ни странно, каждый раз Олимпиада отзывалась именно после третьего зова:

– Да здесь я, здесь! Что ты заорался?

Услышав ответ жены, Рафик смягчался и, как правило, спрашивал:

– Где мои туфли?

Или же:

– Где мои носки?

Тем временем одни соседи, ожидавшие более бурной развязки, недовольно, а другие соседи, удовлетворенные мирным исходом, довольно расходились по своим делам, те и другие широко улыбались между собой.

Между прочим, Рафик до самой смерти, оказывается, продолжал по утрам так звать жену. Соседские дети, как обученные попугаи, выучившие несколько слов, после второго зова Рафика, продолжая играть и опережая самого Рафика, приговаривали: «Петровна, твою мать!», не понимая значения данного словосочетания.

Через месяц после освобождения он в Зогаллы на свадьбе близкого родственника, напившись с друзьями, затеял крупную драку, откуда вышел с большим синяком под левым глазом и выбитым передним зубом. Хозяева свадьбы, учитывая родственные отношения, не стали заявлять в милицию, но кто-то из осведомителей донес участковому.

В то время я как раз гостил дома, через три дня после свадьбы стал свидетелем общения Рафика с участковым Сабиром. Был теплый вечер, мы с Рафиком и еще с несколькими соседями сидели на улице под тутовым деревом. Рафик рассказывал мне о том, как через неделю после возвращения из тюрьмы к нему приходил участковый Сабир.

– Муаллим, – обращался Рафик ко мне, – сижу вот на этом месте, подходит ко мне участковый. Неделю, как вернулся домой, никуда из дому за неделю не выходил. Люди каждый день приходили со мной повидаться, куда уж выходить. Так вот, подходит Сабир ко мне и начинает.

– Прибыл? – спрашивает.

– Нет, прилетел! – отвечаю я.

Мой ответ ему не понравился, и он сразу перешел на допрос.

– Брезент ты украл? – спрашивает у меня.

Оказывается, кто-то в эти дни со склада колхоза украл брезент, и он прямоком ко мне. Колхоза уже нет, все развалилось, остался один брезент – и тот сперли. Так вот, кто, если не Рафик, наверно, подумал Сабир и прямоком ко мне, сыщик хренов! Ну, думаю, поиграю-ка я с ним немножко.

– Украл, – тихо отвечаю, а сам-то знаю, что не моя это работа, никуда я не выходил.

– Свидетели есть? – спрашивает у меня Сабир.

Меня взял такой смех, такой смех! Твою мать, думаю, как можно такого дурака назначить на государственную должность?

– Какие еще свидетели? – отвечаю ему и объясняю: – Кража – это тайное хищение чужого имущества. Тай-но-е. Понимаете?

Посмотрел на меня, понял, что ерунду запарол, потому повернулся и ушел. Уходя, еще предупредил меня:

– Я всё равно найду того, кто украл. Не дай бог, потом окажется, что это ты украл на самом деле. Тогда пеняй на себя! Как барана, буду вешать! – грозился.

– Хорошо! Иди кодекс изучай! – ответил я ему, и он ушел. – Свидетелей ему подавай!

Только мы посмеялись над рассказом Рафика, сосед, сидевший с левой стороны, толкнул Рафика в бок и сказал:

– Вот он, идет! Вешать будет сейчас тебя за драку!

Мы все повернулись в сторону артезианского источника и увидели шедшего к нам участкового. Тот был в гражданской форме, под мышкой держал кожаную папку.

– Пусть только попробует, – ответил Рафик, но сам собрался. Даже рубашку застегнул на самую верхнюю пуговицу. По лицу заметно было, что он заволновался.

Сабир не спешил, по дороге он останавливался, здоровался со встречными зогаллинцами. Дойдя до нас, он уважительно поздоровался со мной, потом с остальными. Уставился на Рафика, посмотрел на него с полминуты и сказал:

– Ну, расскажи, как всё случилось?

– Что именно рассказать? – спросил Рафик.

– Расскажи, с кем подрался на свадьбе?

– Ни с кем! – спокойно ответил Рафик и усмехнулся. – Какая еще драка?
– Откуда тогда синяк под глазом?
– Упал.
– Упал, говоришь, – повторил слова Рафика участковый.
– Да, упал. Когда ночью в темноте спускался в туалет по маленькой нужде, споткнулся и упал.
– Может, по большой нужде? – съязвил участковый.
– Нет, по маленькой! – ответил Рафик. – Я по большой нужде днем хожу в туалет, ночью не встаю.

Мы засмеялись. Участковый не ожидал от нас такой реакции, поэтому растерялся. Придя в себя, продолжил допрос с особым пристрастием.

– Я тебе покажу, как надо падать, – грозился он. – И по большой нужде покажу, и по маленькой. Устроили мне драку на свадьбе.

– Кто устроил?

– Вы устроили!

– Кто именно? Поименно можете назвать?

– Надо будет, назову!

– Сперва назовите, потом приставайте. Вы хоть знаете, что называется дракой?

Рафик вошел в свою стихию. Мне стало неудобно перед Сабиром, а Сабиру передо мной. Он хотел перебить Рафика:

– Хватит умничать! Я всё знаю, пойдете под мелкое хулиганство за драку!

Но было поздно.

– Драка, – неожиданно Рафик откинул голову назад и закрыл глаза, будто собирался петь мугам, – это противоправное действие с участием двух и более лиц с целью выяснения истины, при котором кто-то кого-то бьет, а кто-то кому-то дает сдачи! Понятно, товарищ участковый?

– И что ты сейчас этим хочешь сказать?

– Ничего! В определении, которое я дал, заложены все признаки драки. Вы как работник правоохранительных органов должны это знать. Вы же право изучали в физкультурном институте? – специально заострил Рафик на том, что Сабир работал в милиции после окончания физкультурного института. И затащил Сабир в беседу.

– Мы всё изучали. Всё, что нужно было, то и изучали, – ответил тот.

– Это очень хорошо. Тогда мы с вами сейчас вместе уточним признаки драки. Если где ошибемся, муаллим подправит нас. Итак, первый признак – это наличие двух и более лиц. Кого, кроме меня, подозреваете в драке, товарищ участковый? Я же не мог один, сам с собой драться. Или в этой деревне вы, кроме Рафика, больше никого не знаете? Как что, так сразу Рафик. Брезент украли – Рафик, драку на свадьбе затеяли – Рафик. Так же нельзя. Хорошо, идем дальше: где второй признак драки? С какой целью мы дрались, если дрались? С целью выяснения какой истины была затеяна драка, если она была затеяна?

– Ты, Рафик, не умничай! И не заставляй меня открывать рот! Пьяные вы были, к тому же дураки, вот почему дрались! Истину ему подавай! Будешь умничать – за протоколирую и отвезу в Гах. Там они быстро определят, с кем дрался и за что дрался! Почему испортил праздник людям?

– Начальник, – Рафик перешел на любимый жаргон отбивших и отбивающих срок заключенных, – в Гахе, в отличие от вас, кодекс знают хорошо. Там следователи юридический закончили все, а не физкультурный! Поэтому как повезете в Гах, так и привезете. Почему? Потому что никто не дрался! Никто не пострадал, тем более, никто никуда не жаловался. Кто бил, кого бил? Так что, гражданин участковый, изучайте кодекс! Любые ваши сомнения толкуются в мою пользу.

Сабир слушал Рафика молча, временами качал головой.

– Запомни, Рафик, – сказал он перед тем, как уйти, – клянусь могилой покойного отца, у тебя еще будет возможность для детального изучения своего кодекса!

– И у вас тоже может быть, – тихо проговорил Рафик, – никто в этом мире не застрахован.

Участковый угадал: не прошло и года, как Рафика опять осудили. На этот раз за кражу, за любимую его статью. Он хотел украсть барана, но поймали его с личным.

Не верьте официальным докладам, будто с воровством у нас в стране покончено навсегда. Якобы воров у нас осталось единицы, и якобы и сейчас у нас, что называется, днем с огнем не найдешь. Не верьте, и всё! Неправду говорят! Есть в стране достойные продолжатели славных традиций. Сейчас воруют в таких размерах, масштабах и объемах, что основателям этой древней профессии такое и не снилось бы.

Вопрос «где легче воровать», как известно, никогда не относился к числу самых жгучих для большинства людей. Но он являлся и является не праздным для определенной категории населения. Именно этой категории людей в наше время стало очень тяжело. Они всё чаще жалуются на полицию, электронную сигнализацию и охранную систему, на сторожевых собак, частные охранные бюро, системы видеонаблюдения, жучки и тому подобное. Не дают им спокойно работать, и всё! На одного потенциального вора приходится десять охранников, половина из которых получает зарплату из бюджета, а вторая половина – из кармана своих хозяев, которые опять-таки эти деньги воруют из бюджета.

Тяжелее в наше время стало мелким воров. Им не дают работать, ловят и сажают тоже только их. Возьмем охрану тех же овец и баранов. Раньше, в советское время, у нас в Гахском районе два пастуха с двумя сторожевыми собаками спокойно справлялись со стадом в две тысячи голов овец, не считая баранов. Сейчас стадо с таким количеством животных охраняется чуть ли не целым семейным взводом с самым современным охотничьим оружием в руках, к тому же в помощниках у них ходят чуть ли не десяток собак. А как в таком случае быть бедному вору, который всю жизнь жил этим ремеслом, питался сам и кормил семью исключительно бараниной? Никто о нем и не думает. Кражами овец в Азербайджане никого не удивишь, но то, как это намеревался осуществить Рафик, и сегодня приводит в восторг не только бывалых воров, но и всех почитателей этого старого ремесла. Рафик пытался красть овец только ему одному известным способом, но ему не повезло; пастухи его поймали с личным, связали руки и ноги, потом вызвали полицию. Объяснить причину неудачи сегодня затрудняются все: то ли способ был несовершенным, то ли сам Рафик неправильно пользовался им – никто уже не знает. В криминальной статистике не только Азербайджана, а наверно, всех стран бывшего Союза подобное уголовное дело вряд ли фигурирует.

Рафик не имел воровского стажа, поэтому его можно было назвать начинающим вором без опыта. Отсутствие опыта он решил восполнить знаниями в области психологии животных, к чему его подтолкнули сведения, видимо, полученные в тюрьме. Свою роль сыграли и легкие травки, которые он покуривал ежедневно, и которым он, оказывается, отдавал предпочтение перед водкой после возвращения из тюрьмы. Забыв об элементарных воровских правилах, Рафик решил действовать хитро. Где он вычитал этот способ, остается загадкой. Даже после отсидки в тюрьме он мне не признался, сколько я его ни присил. Способ, который он применил, с одной стороны, очень прост, с другой, – опасен.

Красть овец по Рафику – это целое искусство. Давайте по порядку. Дело было осенью; недалеко от фундукового сада Рафика пастухи из верхнего села пасли большую отару овец. Рафик сам в хозяйстве овец не держал – за ними уход нужен, их надо кормить. А кто этим будет заниматься? Рафик, что ли? Я вас прошу, Рафик создан для свершений великих дел, пасти овец и ухаживать за ними – это не его стихия.

Пока Олимпиада успевала по хозяйству, она держала и овец, и баранов. Со временем, видимо, всё это ей надоело, и количество голов стало уменьшаться, а последнего барана зарезали, когда Рафик вернулся из тюрьмы.

Поэтому появление большого стада за фундуковым садом заинтриговало Рафика. Устав от ежедневного безделья, он за день несколько раз выходил на край сада и оттуда наблюдал за жирными, к осени набравшими хороший вес животными. И как-то при очередном наблюдении стада у Рафика перед глазами беспричинно потемнело, в этой темноте ему отчетливо виделись ломтики мяса, разделенные прослойками лука, обильно просыпанные перцем. Дальше стало еще хуже – кто-то протягивал ему шампур с поджаренными кусками шашлыка из баранины.

– Я спокойно наблюдал за ними, вокруг бегали собаки, а животные паслись себе. Только закрыл глаза – будто кто-то мне подносил шашлыки. Несколько раз повторял, одно и то же. Открываю глаза – вижу баранов, закрываю – вижу шашлык, – позже на суде, под смех судьи и прокурора, рассказывал Рафик, объясняя свой проступок неким мистическим наваждением. – И тогда я для себя решил: это знак, надо действовать!

А как будешь действовать, когда вокруг столько охраны? Рафик дождался вечера: когда потемнело, он снял с себя одежду, спрятал в кустах фундука, перелез через перегородку и голый направился в сторону стада, которое пастухи собрали под большим дубом на ночной отдых. Приблизившись к стаду, он на четвереньках зашел в овечью отару, выбрал барана, влез ему под живот. Две собаки, которые находились в десяти метрах от Рафика, были настолько ошеломлены увиденным, что не издали даже звука и стали наблюдать за происходящим подобно детям, смотрящим увлекательный мультипликационный фильм. А Рафик тем временем, всё так же находясь под бараном, на четвереньках стал уводить его из стада.

На суде, когда Рафик детально рассказывал случившееся, помогал, как всегда, суду, на этом месте прокурор не выдержал и спросил:

– Но голый-то почему, Рафик?

– На голого, – пояснил Рафик недогадливым судье и прокурору, – собаки не лают. Собакам удивительно всё это.

– Чем докажешь? – спросил прокурор.

– Ничем! Не верите мне, можете у собак спросить, – ответил Рафик, еще больше рассмешив присутствующих. – Или сами попробуйте.

Но суду было не до смеха. Дело в том, что в первые дни, после того, как взяли Рафика голым, по настоянию хозяев барана следователь ему инкриминировал другую статью, нежели кража. Со слов братьев-пастухов, его подозревали в зоофилии, в сексуальном влечении к овцам.

– Я его узнал сразу, как поймали, – рассказал на следствии старший брат, – каждый день он приходил на окраину своего сада и оттуда часами смотрел на наших животных. Кто бы мог подумать, что он такие планы вынашивает?

Рафик категорически отверг подобные обвинения и высмеял их, называя утверждения братьев пастушьим увлечением, следовательно, свойственным самим братьям, при этом обратился к следователю:

– Если бы у меня был сексуальный интерес к животному, я крал бы овцу, а не барана! Я хотел жарить шашлык из мяса барана!

Братья-пастухи следователю сразу не понравились. После каждого их допроса в кабинете стоял такой невыносимый запах, будто там находились не сами пастухи, а переночевало их стадо. Может, еще и поэтому следователь с первого дня сочувствовал Рафику и не верил утверждениям братьев. Старшего брата он допросил повторно.

– С бараном или с овцой поймали Рафика? – спросил следователь.

– Врать не буду, над головой у всех нас один Аллах, – ответил старший брат, – взяли с бараном. Что правда, то правда!

– И что же, по-вашему, получается, что он на вашего барана глаз положил, когда в стаде имелось столько овец?

– Кто его знает? В темноте ошибся, наверно. Этому народу что баран, что овца – всё одинаково.

– Сам ты баран! – сказал следователь старшему брату, – и от тебя кизяком несет! В следующий раз появишься в моем кабинете не мытым, закрою на десять суток! – и выгнал его.

Больше всех злорадствовали мугалы. Весть о голом зогаллинце, пойманном пастухами в темноте, буквально развеселила их. Мугалы даже слушать не хотели, что Рафик хотел украсть барана.

– Ну, да, конечно! – смеялись они. – Сперва овцу хотел, потом барана.

Зогаллинские старики встали на защиту Рафика, потому как терпеть насмешки со стороны мугалов, оставлять их без соответствующего реагирования они не могли.

– Лучше не запачкаться, чем потом выводить пятно, – сказал Аллаверди баба, старейшина Зогаллы. – Но раз такое уже случилось, надо совещаться, как выйти из ситуации, – добавил он после некоторого раздумья, и старики стали совещаться. Пока аксакалы консультировались, учитель биологии зогаллинской школы Тельман-муаллим добровольно взялся защитить Рафика и на суде попросил слово.

– Действительно, – сказал он суду, – учеными замечено, что сторожевые собаки не реагируют на человека, если тот на четвереньках и голый. При этом, что интересно, габариты человека, его социальное положение, партийная принадлежность, то есть кем он был до снятия одежды, для собак не имеют никакого значения. Лишь бы тот был голым. Собаки с любопытством и с удивлением наблюдают за голым человеком. Им это интересно.

– Почему? – спросил прокурор.

– Что почему? – не понял вопроса Тельман-муаллим.

– Почему сторожевым собакам голые люди интересны?

– Пока никто не может ответить на этот вопрос. Ученые всего мира, в первую очередь ученые Австралии и Новой Зеландии, где больше всего овец в мире, сейчас работают над этим вопросом. У них тоже этот вопрос остро стоит, – ответил Тельман-муаллим.

– Удивительно, – проговорил судья.

– Еще как удивительно, – добавил прокурор. – Я думал, только у нас. Оказывается, Австралия с Новой Зеландией тоже этим страдают.

Тельман-муаллим замешкался, но быстро пришел в себя и уверенно добавил:

– Что тут удивительного, мы, люди, тоже от собак далеко не ушли. Многие из нас тоже не прочь наблюдать за голыми, особенно если наблюдаемые противоположного пола.

Прокурор с судьей одновременно остановили Тельман-муаллима, не дав ему развить идею.

– Понятно, понятно. Вот оно, оказывается, в чем суть, – хором воскликнули они. – Спасибо, муаллим! А что было дальше, Рафик?

А дальше вот что было. Когда Рафик с бараном начали движение, как назло, появилась луна и начала светить, как прожектор. С украденным трофеем Рафик направился в сторону фундукового сада. Когда до спасительного сада оставалось метров двадцать, случилось непредвиденное. Один из пастухов, проверяющий стадо вечерним обходом, заметил медленно удаляющегося от стада барана и сорвался за ним. Будь на месте пастуха кто-нибудь другой, от увиденного он скончался бы ментально. Пастуха от неминуемой смерти спасли врожденная тупость и природная несообразительность. Он ничего не понимал: какая-то невидимая сила тащила барана, а баран хоть и сопротивлялся, но продолжал идти. Как мог догадаться бедный пастух с его неполным средним образованием о том, что сила, уводящая барана от

стада, находится у того под брюхом, как двигатель под рамой мотоцикла. Такое не могло прийти в голову не только ему, но даже кандидату ветеринарных наук. Пастух решил, что баран заблудился или испугался кого-то, потому оторвался от стада. Он подошел к барану, одной рукой хотел поднять его и поставить головой в сторону отдыхающего стада. Баран оказался неподъемным, как ни старался пастух.

– Закопали, что ли? – подумал он, отложил в сторону свой посох и попробовал поднять барана двумя руками. Как тяжелая штанга не поддается неподготовленному атлету, так баран и на этот раз не поддался пастуху. Такое было ощущение, что кто-то барана тянет вниз, когда пастух старается поднять его. Перед третьим подходом (у штангистов он, между прочим, последний) пастух вполголоса, но грязно выругался в адрес невинного животного за его строптивость. Из всего набора слов, которым он наградил барана, литературным оказалось только слово «безмозглый», что отчасти явилось единственной правдой из всего сказанного им в адрес бедного животного. Голого Рафика под бараном пастух упорно не видел. Засучив рукава, он третий раз подошел к неподвижному барану, и в это время из-под животного вылез голый Рафик. Он, как обезьяна, в прыжке забрал посох пастуха, лежащий на земле.

– Не подходи, убью! – закричал Рафик и дважды огрел пастуха посохом по спине.

То ли от неожиданности, то ли от боли пастух вздрогнул, испуганно издал такой звук, что собаки, до сих пор молча наблюдавшие за происходящим, вдруг начали громко лаять. Надо отдать должное пастуху: его замешательство и десяти секунд не длилось. Забыв обо всем, он с невероятной скоростью пустился наутек в сторону стада с призывами о помощи.

У Рафика еще был шанс уйти и остаться неузнанным. Но чертов баран, как за-гипнотизированный, стоял на месте и будто ждал Рафика, чтобы тот увел его дальше. Лезть под барана на этот раз Рафик не стал, начал посохом толкать его в зад. Баран не хотел слушаться, упирался передними ногами. Рафик с еще большим усердием толкал его. Но когда до спасительного фундукового сада оставалось метров десять, команда из четырех сторожевых собак и трех братьев-пастухов окружила Рафика и барана, «как советские войска немцев под Сталинградом», – позже на суде он так обрисовал свое пленение.

Силы были неравны. Рафик посчитал сопротивление бесполезным и сдался. Сдача сопровождалась нецензурной бранью со стороны братьев, громким лаем со стороны собак. Поколотив Рафика для порядка, братья связали его руки и ноги, послали младшего из братьев звонить в полицию.

Что интересно, на суде старшие братья-пастухи считались потерпевшей стороной, а младший брат шел как свидетель. Логичнее было бы именно его считать потерпевшей стороной, поскольку следы от ударов посохом больше месяца держались у него на спине, и при каждом допросе он беспредметно демонстрировал их следователю.

На суд Рафик шел без настроения, может, поэтому на этот раз он не стал сотрудничать с судом, уклонялся от ответов. Когда требовалось прямо отвечать на поставленные вопросы, он проявлял редкую обходительность. Деяние Рафика судом было квалифицировано как покушение на кражу, то есть преступление, которое не было доведено до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Время совершения преступления – темноту ночи – суд посчитал отягчающим вину обстоятельством. Суд признал Рафика виновным и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на три года.

– Три так три, – выразился Рафик перед тем, как конвоир вывел его из зала суда, – нас тройкой не удивишь, мы народ привыкший.

Таким образом, получив очередную «тройку», Рафик отправился «отдыхать».

Очередные три года прошли как-то незаметно. Когда Рафик вернулся из тюрьмы, оба сына ходили в школу и помогали матери по хозяйству. Старая мать Рафика с начала весны до глубокой осени целыми днями сидела на улице возле дома и считала дни, когда вернется единственный сын.

По возвращении Рафик дал ей слово, что больше пить не будет.

– Никто больше меня выпившим не увидит! – клялся он.

От радости заплакала старая мать, радовались дети и Олимпиада.

Но радость была недолгой. Как-то в свой очередной приезд в Зогаллы я узнал, что Рафик вот уже два месяца как вернулся из тюрьмы. Тут же я прошел к ним во двор, чтобы поздравить его с благополучным возвращением. Но его дома не было. Мать Рафика, увидев меня, прослезилась, поблагодарила, что я их не забываю. Дети были в школе. Я не стал задерживаться у них, но перед тем, как уходить, на русском языке спросил у Олимпиады:

– Держит слово Рафик? Не пьет он больше?

– Лучше бы он пил, – тихо ответила Олимпиада, – сейчас пристрастился к анаше, где берет, не пойму. Как закурит, целый день ходит, как чумной. С утра опять куда-то пропал, – качая головой, она ушла.

Я не нашел слов, чтобы хоть как-то утешить ее.

– Крепитесь, – сказал в дверях и быстро удалился.

С ним я увиделся в тот же вечер на улице. Он сидел на любимой скамейке матери и что-то рассказывал соседским ребятам, плотным кольцом окружившим его. Увидев меня, Рафик резко поднялся и зашагал в мою сторону:

– Муаллим, с приездом! Мне дома сказали.

Большие глаза Рафика были красными, мне показалось, что даже губы у него красные. Держа мою руку, он дергался, говорил так, будто куда-то торопится.

– Это у вас сегодня хлеб пекли в тандире? – не отпуская мою руку, спросил он у одного соседского мальчика.

– Да, а что? – ответил мальчик в недоумении.

– Сбегай домой быстренько и принеси хлеба, тепленького хлеба хочется. Захвати целый. Можешь два взять.

Мальчик пустился бегом за хлебом. Только после этого Рафик потянул меня к скамейке.

– Муаллим, как хорошо, что вы пришли, сейчас рассудите нас. А то я этим олухам полчаса толкую, они не понимают.

Я по очереди поздоровался с «олухами» Рафика, которые были моими соседями. После каждого слова Рафика они или улыбались, или даже смеялись. Но отвечать ему, перечить в чем-то никто из них не решался.

– Муаллим, вы прекрасно знаете, за что я сидел последние три года, – обратился ко мне Рафик.

– Все знают, – неоднозначно ответил я.

– Вот именно. Обычно в тюрьме, как правило, я изучаю уголовное законодательство, в последнее время гражданское и административное тоже, как бы это громко ни звучало. На этот раз знаете, чем я занимался?

– Не знаю, – ответил я.

– Буквально через неделю после того, как меня привезли в зону, я задумался: «За что ты сидишь, Рафик? Ты, уважаемый в зоне мужик, будешь три года коротать за какого-то сраного барана? И что ты знаешь об этом баране?»

– Баран не баран, а три года потерял, – ответил я.

– Да, потерял, – согласился он моментально, – но не зря! За эти три года я досконально выучил всю родословную этого парнокопытного!

– Какого еще парнокопытного? – я ничего не понимал.

– Как какого? Барана!

Я рассмеялся громко.

– Тельман-муаллим тебе за два часа рассказал бы всё о баранах и овцах, а ты на это три года потратил в тюрьме, – я имел в виду учителя биологии зогаллинской школы. – Не многовато ли?

– Может, и многовато, кто его знает. Но одно дело, когда учитель тебе объясняет, другое дело – когда человек сам постигает истину!

– И какую же истину о баранах ты постиг в тюрьме?

– А ведь постиг. Не только о баранах, о всем его парнокопытном отряде, чтобы их волки задрали! Три года ушло в песок, пока их изучал. Баран, баран говорим, а оказывается, ничего о них не знаем.

– И что же нового ты узнал о баранах? – я тоже вошел в азарт.

– А я вам расскажу по порядку. Значит, ровно неделю назад вышел я на улицу. Вот здесь, на этом месте сижу и о чем-то думаю, сам не помню, о чем. Вижу, идет директор нашей школы, уважаемый Шариф-муаллим. Поздоровались, о том, о сем поговорили. Вот я у него и спрашиваю:

– Шариф-муаллим, с чего это вы так, вдруг взяли, пока меня не было в Зогаллы, пока я сидел, и отменили уроки русского языка в школе?

– Даже если бы ты был дома, все равно отменили бы, – посмеялся Шариф-муаллим. – Ты тут ни при чем.

– Ну и слава Аллаху, – говорю я ему, – что я тут ни при чем. А то участковый чуть что, сразу ко мне бежит. Но почему все-таки отменили?

– Не лезь не в свои дела, Рафик, – сказал он и ушел.

– Как не лезть, когда дети на русском не знают.

В это время мальчик, отправленный за теплым тандир-хлебом, вернулся с кульком и отдал кулек Рафику.

– Там два, – впопыхах сказал он.

– Какой ты молодец, – похвалил Рафик ребенка и начал есть.

Ел он с невероятной жадностью, будто его целую неделю не кормили. Мы с интересом ждали, когда он доест и продолжит беседу.

– Хорошие ребята, а выросли как быстро, – обратился ко мне Рафик, – Вы моих ребят не видели, муаллим, по дому уже всё делают. Смена, считайте, муаллим, уже подросла! Только одно плохо, русский не знают.

– Времена другие, – вставил я. – Ты лучше о баранах расскажи, – мне действительно стало интересно, что он все-таки изучил.

– Изучая барана в тюрьме, я наткнулся на некоторые серьезные различия, существующие между русским и азербайджанским языками и связанные именно с этим домашним животным – бараном! Я как раз перед вашим приходом старался объяснить детям некоторые тонкости русского языка.

– О каких тонкостях идет речь? – спросил я и, честно говоря, позже пожалел, что дал согласие втянуть себя в эту авантюру. Авантюра в виде лекции длилась почти полчаса, и мне ничего не оставалось, как слушать его, находящегося, видимо, под воздействием легких наркотиков.

Получалось, что эти парнокопытные млекопитающие из семейства полорогих не такие уж тупые животные, как нам всем кажется. На самом деле они умнее многих зогаллинцев, утверждал Рафик.

– Муаллим, вот вы человек просвещенный, институт закончили, вы должны знать. Если знаете, то тогда ответьте мне: почему овцы во время выпаса так часто поднимают головы? Почему?

Я еле сдержал смех, признался, что не знаю, потому как я не специалист по овцам.

– Вот именно, смеетесь, а сами элементарную вещь не знаете. Они поднимают головы, чтобы проверить местонахождение остальных овец в стаде, чтобы не отстать от стада, чтобы вместе передвигаться во время выпаса. Улавливаете, вроде небольшое животное, а какой у них дух коллективизма? А наши зогаллинцы целыми днями копошатся у себя во дворах, им неинтересно, что творится у соседа. Среди белого дня увели мою овцу, первую жену я имею в виду, никто из соседей даже не видел. Вот какие мы, а какие они – овцы. – Наступила тишина, которую сам же Рафик и прервал секунд через тридцать. На этот раз он прочитал мне целую лекцию, посвященную «серьезным различиям, существующим между русским и азербайджанским языками и связанным с бараном». – Именно я, находясь в тюрьме, и обнаружил эти различия, – сказал он и перешел к их описанию. – Наши сельские учителя ничем не могут мне в этом деле толком помочь. Вот, например, если мы у нас в Азербайджане называем человека на нашем языке Гоч (баран по-русски), то получается, что мы восхищаемся его достоинством, хвалим его (один гоч Кёроглу чего стоит), а когда переводим это же слово на русский язык и называем его Бараном, то оскорбляем его. Я вот уже три года зациклился на этом вопросе, никак не найду ответа. Одно и то же животное. На азербайджанском языке если обращаться к человеку – похвала, на русском – оскорбление. Не знаю, с кем посоветоваться? Хотел даже спросить у участкового, потом передумал, а вдруг обидится. Ждал вас, когда приедете, чтобы у вас уточнить.

– Да я даже не думал над этим, – смеялся я дальше, – я тоже не помогу тебе. Надо было все-таки у участкового спросить.

– Вот видите, муаллим, всё вам ха-ха и хи-хи. О глобальных вещах можем рассуждать, как там Америка, как там Китай? Все это мы знаем. А с одним животным разобратся не можем. – Я продолжал смеяться, но так и не догадывался, к чему он вел разговор. – Видите, муаллим, смеетесь вы тоже, туда же. Но ведь это проблема языка. И никто этим не занимается. Никому нет дела. Один я должен целыми днями ломать голову, почему это так? Одно и то же животное, а разными народами воспринимается по-разному. Сколько лет русско-азербайджанским отношениям? Несколько столетий. И никто за эти годы не занимался изучением этого вопроса. Только я.

– Ты сидел за барана, вот потому ты и занимаешься, – не удержался я, хотя смеяться не перестал.

– Многие и до меня сидели, и за барана сидели, и за овцу тоже сидели, – моментально оправдался Рафик, – но никто палец о палец не ударил. Только я! А люди думают, что я сидел и ничем не занимался. Как задашь какой вопрос, так смотрят на тебя, как бараны. Да ну их, муаллим, дайте десять манатов, а то голова раскалывается от этих мыслей. – Я достал деньги и отдал ему. Встал и собирался уходить. Он вежливо поблагодарил меня за деньги и дал напутствие на дорогу: – Муаллим, из всех животных, именами которых оскорбляют людей, с бараном может сравниться только осел и козел. Имейте в виду, может пригодиться.

– Хорошо, – обещал я ему.

– Вы из тех людей, которые много ездят по миру, часто на дорогах. Мало ли что, вдруг, если вас кто-то сильно достанет, и, как говорят русские, если уж будет невтерпеж, пожалуйста, не стесняйтесь, я вам дал имена животных. Наградите всех недоев!

«Хороший совет за десять манатов», – подумал я и быстро удалился.

Через два дня Рафик пропал. Всей деревней искали его. Обошли все стада овец, которые паслись недалеко от Зогаллы. Всё тщетно, поиски не дали никаких результатов. Словно злой джинн унес его на своих черных крыльях. Только через неделю стало ясно, что джинн тут ни при чем, Рафика увез автобус Загатала – Баку в один горячий азербайджанский город на день рождения друга с бамовских времен.

День рождения друга они отмечали ровно неделю, в летнюю жару «выпивая холодную водку, запивая не менее холодным пивом». Как позже рассказывал Рафик, естественно, они еще и «лечились целебными травками», покуривая их. Через неделю, придя в себя, Рафик целый день пытался дозвониться домой в Зогаллы, чтобы сообщить о своем местонахождении, но, по его словам, телефон всё время был занят. Наконец, потеряв терпение, он послал жене грозную телеграмму: «Повесь трубку!»

Вернулся он так же неожиданно, как пропал, через два дня после телеграммы. Я еще гостил в Зогаллы, когда в обед услышал новость о его возвращении. Через два часа, ближе к вечеру, Рафик уже сидел на улице в окружении любимой молодежи. Я не мог не подойти к ним.

– А ну-ка уступи место муаллиму, – с этими словами Рафик толкнул сидящего рядом молодого соседа и пригласил меня сесть. Настроение у него было хорошее.

– Напугал, однако, всех, – сказал я, садясь рядом.

– Как-то неожиданно получилось, – согласился Рафик, – поздно вспомнил о дне рождения друга. Моментально сел и уехал. Целую неделю пытался дозвониться, телефон всё время был занят. Пришлось даже телеграмму отбивать.

– Как день рождения друга отгуляли? – поинтересовался я.

Рафик будто ждал моего вопроса, поэтому сразу ответил:

– Я ребятам как раз об этом рассказывал. Муаллим, лучше нашего Зогаллы на свете места нет! Вы сами знаете. Я объездил всю Россию. Сибирь, БАМ, Алтайский край – везде был. Врагу не пожелаю. Съезжу, думаю, друга проведу, заодно посмотрю, как люди живут. В последние годы, стыдно даже признаться, кроме тюрем, нигде и не побывал.

– Ну, как люди живут? – спросил я.

– Муаллим, жара такая на улице стояла. Наш тандир по сравнению с их жарой – японский кондиционер. Как люди там живут? Не пойму. На БАМе – морозы 40–50 градусов, тут – жара такая. Потому и говорю: лучше Зогаллы нет места на свете.

– Если бы было так жарко, десять дней не проторчал бы там, – сказал я.

– Муаллим, согласен! Но я был у друга, которого давно не видел. У него есть чудесная картина, висит в комнате на стене. Он из Сибири привез эту картину. Там нарисован зимний пейзаж: таежный лес и снег нарисованы так, что их не отличишь от настоящего. Чего греха таить, муаллим, бывало так, что курили в обед, когда на улице в тени около пятидесяти градусов жары было, заходили в комнату, садились перед этой картиной и мерзли! Смотрели на картину и мерзли! Разве это не чудо? Как-то перебрали, видимо, дозу, и как присели перед картиной, так нас и покрыло инеем. Вымерли бы, как мамонты когда-то. Хорошо, что разбудили нас. Я был весь синий.

– И это ты рассказываешь молодым? – упрекал я Рафика.

– Не я, так другой расскажет, муаллим! Может, послушав меня, они выберут другой путь. Но я, муаллим, вам скажу одно: какой бы путь человек ни выбрал, где бы он ни жил – в Сибири или в Африке, – его всё равно будет бросать то в жар, то в холод. Таковы законы жизни! Я всё видел в своей жизни. Поэтому с меня хватит!

– Значит, больше в тюрьмы не пойдешь?

– С меня хватит! – твердо повторил Рафик. – Я свое отходил. Притом дважды!

– А то, что в России сидел, не считается? – смеюсь я.

– Не считается! Там я сидел без вины! Поэтому не считается.

На следующий год, когда я отдыхал в Зогаллы, он еще увереннее твердил, что дороги в тюрьмы для него окончательно забыты.

– Я сейчас, муаллим, примерный семьянин! Не пью, по дому работаю. Так что я сейчас положительный герой, третий раз я туда не хочу, – смеялся он.

– А это дело? – спросил я, имея в виду его увлечение «лечебными травками».

– Бывает! Согласен, когда нахожу, курю эту ерунду! Да, не отрицаю, и это только для того, чтобы не скучно было мне.

Но, видно, ему была уготована другая судьба. На верхах все-таки решили, что он должен и третий раз отсидеть.

Как и в прежние разы, попался Рафик на мелочи. Он украл у соседней индюка. Случилось это в первых числах сентября месяца. Домашние оставили Рафика караулить хозяйство, сами ушли в сад на сбор фундука. По словам Рафика, в тот день он дул с утра, но этого ему показалось мало, он стал догонять – забил косяк и дул еще раз и страшно проголодался.

Как назло, на той стороне плетня, разделяющего их двор с соседским двором, гуляла стая индюков. Рафик подошел к плетню и издал булькающие звуки.

– Хотел проверить, дома соседи или нет, – объяснял он на суде, чем было продиктовано такое решение. В ответ здоровый индюк салютовал Рафику, проорав то же самое. Его крик подхватили остальные индюки. На звуки индюков из-за дома прибежала соседка, отогнала их в центр двора. Рафик успел спрятаться за толстым стволом грушевого дерева, поэтому она его не заметила.

За деревом он продолжал наблюдение. Минут через двадцать хозяева выгнали всех индюков в сад, а сами один за другим ушли на сбор фундука.

В Зогаллы за дворами хозяев, как правило, расположены их сады, которые, в отличие от дворов, не огорожены от соседских. Поэтому, когда Рафик через свой двор вышел в сад, между ним и индюками уже не было преград. Чтобы убедиться в том, что никого из соседей нет дома, в саду он еще раз подразнил индюков. На дружный крик индюков на этот раз из дома никто не отозвался. Можно было безбоязненно действовать.

К вечеру, придя домой, соседи недосчитались одного индюка, притом самого крупного. Шум поднялся страшный. Подозрение сразу пало на Рафика, сосед кричал и требовал возврата индюка:

– Пока не поздно, пока индюк жив, верните! Пока я не заявил в милицию.

Сосед ошибался, к тому времени индюк не был жив. Поймав индюка, Рафик, как заправский повар со стажем, очистил его от перьев, опалил, обмыл холодной водой, удалил потроха, потом еще раз помыл и зажарил на костре в конце сада.

Утром сосед заявил в милицию.

Участковый Сабир, как бы он ни был зол на Рафика, хотел решить вопрос по-доброму.

– Видит Аллах, – говорил он Рафику, – нет у меня намерений посадить тебя.

– Нет намерений, не сади! – перебил его Рафик.

– Если украл, верни! Глупо садиться еще раз из-за одного индюка!

– Докажите! – как старый осел, упрямылся Рафик.

Украл индюка, на месте преступления Рафик якобы не оставил вещественных доказательств. И как ему тогда казалось, этим он сильно должен был затруднить розыск собственной персоны.

– В последний раз говорю, если украл, признавайся, решим! – чуть ли не просил участковый Сабир.

Стали просить Рафика и другие соседи.

– Пусть сначала докажут! – Рафик был неумолим.

Доказали быстро. Надо еще знать профессионалов гахской полиции: через три часа душевного разговора с ними в закрытом помещении Рафик признался во всем и даже показал, куда закопал перья, потроха и голову убитого индюка.

Суд, как всегда, был веселым. Рафик придурился.

– А где были хозяева, когда ты крал индюка? – спросил судья.

– Откуда я знаю, где были? Наверно, где-то и были.

– Их дома не было, да?

– Наверно.

– Ты видел, когда они ушли?

– Да, я всё видел. Один туда ушел, – Рафик так красиво указал рукой в сторону выхода из судебного зала, что все присутствующие повернулись в сторону двери. Другой сюда ушел, – на этот раз Рафик указал в сторону окна, – а третий не знаю, куда ушел! – тут он развел руками. – Только я никуда не ушел, сидел и ждал своего часа.

– Молодец! Ты никуда не ушел, значит, да?

– Да! Я ждал и дождался.

– И как индюка поймал, не помнишь, да?

– Очень даже не помню, товарищ судья, откуда индюк? Бегали они вокруг меня, даже не помню, как один из них оказался в моих руках.

Когда прокурор стал требовать пять лет лишения свободы, Рафик возмутился:

– Где справедливость? За барана три года дают, за индюка – пять.

Но прокурор был неумолим. Он говорил о рецидиве преступления, о дерзости преступника, о том, что преступление совершено среди белого дня, что является отягчающим вину обстоятельством.

Перед тем, как зачитать приговор, слово дали Рафику. Тут он еще больше рассмешил участников суда:

– Сегодня товарищ прокурор заявил, что отягчающим мою вину обстоятельством было то, что кража совершена мною среди белого дня. Позволю себе напомнить всем участникам сегодняшнего судебного процесса, что при предыдущем моем осуждении товарищ судья усмотрел обстоятельство, отягчающее мою вину, в том, что кража была совершена под покровом ночи. Позвольте мне спросить в таком случае: когда же, по вашему мнению, я должен красть?

– Otur yerinə, ахмајın birі ахмај! (Сядь на место, болван!) – выругался судья и не дал Рафику договорить.

Если бы не последние слова, суд, возможно, Рафика пожалел бы. А так он получил очередные три года и отправился в очередной «отпуск».

Сегодня, когда Рафика нет в живых, думая о нем, я часто вспоминаю наш последний с ним разговор. Честно признаться, встретившись на улице, я его даже не узнал. У него был худощавый внешний вид, лицо выглядело бледным, с сероватым оттенком. Одним словом, невооруженным глазом видно было, что это нездоровый человек.

Он поздоровался со мной с вытянутой рукой, не дав мне приблизиться к себе:

– Вы не обижайтесь, муаллим, так будет лучше!

Я был в курсе, что его отпустили на год раньше срока и он болеет открытой формой туберкулеза. Я поздравил его с возвращением. Я сказал ему дежурные слова, сказал, что он неплохо выглядит. Но он о чем-то думал, не слышал моих слов. Мне показалось, что он не хочет общения со мной. Вдруг он что-то вспомнил и, обрадовавшись, как ребенок, начал меня хвалить:

– Еще в тюрьме слышал, что вы пишете книгу о Зогаллы, о Кара-дайы. Ваша мама сказала Олимпиаде, а она мне рассказала, когда приезжала поведать. Когда я это услышал, я заплакал! Слезы так и текли. В тюрьме все ко мне уважительно отнеслись, как к старику. «Что случилось, Рафик?» – спрашивали. «Почему плачешь, Рафик?» А я не знал, как им отвечать, – замолк Рафик и после небольшой паузы перешел непосредственно к книге. – Я слышал, вы скоро напечатаете ее. Только одно обидно, муаллим! Я вам правду скажу, мне очень обидно.

Я не понимал, что он имеет в виду и что именно ему обидно. Чтобы не прерывать его, я ответил неопределенно.

– Понимаю, – сказал я.

– Он меня со школьных лет собаководом называет! – я понял, что речь идет о Кара-дайы, – а вы о нем целую книгу написали. Я даже не знал, что он у нас такой герой. Неужели нельзя было о ком-то другом писать, раз взялись за это дело?

– Даже не скажу, как-то не задумался над этим, – ответил я, на самом деле не зная, что ответить.

– Когда последний раз вернулся из тюрьмы, на следующий день он приходил со мной повидаться. «Ну, что, собаковод, – сказал, – может хватить, а, по казенным местам шастать?» Тоже мне, аксакал, будто я не знаю, что пора завязать.

Я решил успокоить его:

– Не обращай ты на него внимания, и всё. Когда он выпьет, он еще не такое может сказать. Человек старый, не бери в голову.

– В том-то и дело, что трезвый был. Поэтому мне и обидно. Хотя вы с ним родственники, вам виднее, о ком писать. Не обо мне же писать, как я голым барана крал.

Тут мы оба засмеялись, медленно прошли и сели на его любимую скамейку на улице под тутовым деревом.

– Только за то, что вы написали о Зогаллы, вам можно памятник поставить! – неожиданно изрек он.

– Ага, посмертно и на кладбище! – ответил я и смеялся от души, не зная, к чему он ведет весь этот разговор. Я догадывался, что это показ обязательного журнала перед серьезным художественным фильмом.

– Муаллим, вы знаете, что я сам неплохо разбираюсь в книгах и буду откровенен: то, что пишете вы, – очень мелко! Только без обиды, как сосед соседу говорю: мелко! И всё! Не секрет, что я сам со школьной парты питаю страсть к литературе, особенно к поэзии. Не поверите, временами даже пишу. Конечно, только для себя, и, в отличие от вас, не афиширую. Ибо на большее я не способен. Ибо то, что пишу я сам, то есть мелкое стихотворчество, мне не интересно. Вам, я вижу, интересно, а мне нет! Мне нужны грандиозные, захватывающие проекты.

– Даже так? – спросил я у него.

– А вы как думали? Муаллим, вы никогда не думали, почему я поехал на строительство БАМа?

– Не думал, – признался я и облегченно вздохнул, что от обсуждения моего мелкотворчества мы резко перешли на строительство БАМа.

– Потому что намечалось невиданное строительство. А меня всё это очень тянет.

– До конца не выдержал, однако, – уколол я его.

– Нет, муаллим, вы ошибаетесь. Я выдержал пять лет и столько же выдержал бы! Скорее, муаллим, я не вытерпел. А это разные вещи. У меня с самого рождения проблемы с терпением. На БАМе тоже, там природа в состоянии бесконечности. А терпеть бесконечность очень тяжело. Чтобы терпеть – надо надеяться, муаллим. А на что я должен был надеяться в чужой среде, чужой природе?

– А когда уезжал, на что надеялся? – спросил я.

– Когда уезжал, я об этом не думал. Молодой был, тянуло меня на строительство, – задумался Рафик и в третий раз поменял тему разговора. – Сейчас хорошо, сейчас люди постепенно возвращаются к истокам, к религии. В наше время не было религии – поэтому у людей моего возраста слабое терпение. Возьмем того же муллу Байрама, больше меня пил! Потом бросил и тут же стал проповедником! Аллах наградил его терпением.

– Ты тоже, вроде, не пьешь?

– И не курю, прошу заметить, – улыбнулся и Рафик, – но из меня мулла не получится.

– Почему? Ты даже грамотнее муллы Байрама. Или судимых не берут в это дело?

– Дело не в грамоте. У меня с терпением проблемы.

– Опять терпение? Как по мне, с терпением у тебя всё должно быть в порядке. То, что терпел ты, одному Аллаху известно. Другой на твоём месте рычал бы, как раненый лев. Какие только трудности ты пережил, разве я не знаю.

– Когда я был молодым, иногда, бывало, просыпался по ночам и долго не мог заснуть. Как волк хотелось выть в такие минуты. В такие минуты я поднимал голову и спрашивал у Всевышнего: за что ты меня наказал так строго? Почему из тысячи и тысячи людей ты именно на мою голову ниспослал такие страдания? За что ты меня наказываешь? Сколько ночей я мучился в ожидании ответов на свои вопросы. Сегодня я понимаю, что он меня не наказывал, он испытывал мое терпение! Он ждал, чтобы я просил у него помощи и покровительства. А я не знал, что можно просить помощи у Аллаха. Я даже не догадывался об этом. Вот какими безбожными нас воспитали. Вместо помощи я тупо спрашивал у него: за что мне такие наказания?

– А сейчас просишь помощи?

– Да, сейчас только и делаю, что прошу у него помощи. Видимо, поздно спохватился. Жить осталось недолго, муаллим!

– Ну, тут ты погорячился, Рафик, – я мягко упрекнул его, – кому сколько осталось жить, тоже он определяет, между прочим. Так что не вмешивайся в его дела, не хори себя.

– Много я грешил в этой жизни, муаллим! Моя болезнь – цена для искупления этих грехов. Высокая цена, что и говорить. Но раз она уже назначена, придется платить.

Говорят, родственники покойного Рафика долго мучились в поисках подходящей фотографии, которую можно было бы поместить на его надгробном памятнике. Перелистали все имеющиеся дома альбомы, но большинство снимков были групповыми. Чуть было не заказали памятник с армейской фотографией. В самый последний момент старая мать покойного достала со дна сундука первую бамовскую фотографию сына, где он был снят на фоне таежного леса. Она принесла фотографию и положила на стол перед Олимпиадой и внуками и тихо сказала:

– Пусть будет эта.

На фотографии серьезный Рафик одной рукой обхватил сосну, а в другой его руке топор с небольшой рукояткой. А за ним стена бескрайнего, бесконечного глухого леса, раскрашенная в желтые и коричневые оттенки. Видно, что фотография сделана осенью, в ожидании будущих холодов природа смотрится усохшей.

Сегодня зогаллинцы, пришедшие на кладбище поминать своих усопших родственников, обязательно останавливаются возле могилы Рафика, покинувшего этот мир с верой и любовью к Всевышнему, и вслух читают надпись, выбитую на мраморе большими буквами по центру надгробного памятника – последние слова Рафика перед самой смертью: «Чтобы терпеть – надо надеяться».

Как правило, в знак согласия они кивают головами, позже внимательно рассматривают его фотографию на надгробном памятнике, где он запечатлен с топором в руке, просят Всевышнего милости для него и тихо приговаривают:

– Не смог ты защитить земную жизнь свою, Рафик! Обереги хоть другую свою жизнь! Топор тебе в помощь!